

Санкт-Петербургский государственный университет

Яковлева Дария Владимировна

**Местоимения 2 лица единственного числа и их перевод
для пары языков русский-норвежский**

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 45.04.02 "Лингвистика"

образовательная программа "Теория и история языка и языки народов Европы"
профиль "Лингвистические проблемы скандинавистики и нидерландистики"

Научный руководитель:
к. ф. н., доц. А.Н. Ливанова

Рецензент: Е.А. Лавринайтис

Санкт-Петербург
2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Местоимение.....	5
1. Местоимение в лингвистической теории.....	5
1. Неоднозначность терминологии.....	5
2. Местоимение как часть речи.....	6
3. Общая характеристика источников, содержащих сведения о местоимениях.....	9
4. Семантическое своеобразие местоимений.....	10
5. Классификация местоимений.....	12
2. Личные местоимения.....	12
3. Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в языках мира.....	14
3.1. Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в скандинавских языках.....	19
3.2. Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в русском языке.....	38
4. Место норвежского и русского языков в аспекте соответствия универсальным чертам семантики местоимений 2-го лица.....	45
Выводы по главе 1.....	45
Глава 2. Особенности перевода местоимений второго лица с русского языка на норвежский язык.....	46
2.1 Время действия в произведении – до 1970-х годов.....	47
2.2 Время действия в произведении – после 1970-х годов.....	62
Выводы по главе 2.....	68
Глава 3. Особенности перевода местоимения второго лица единственного числа с норвежского языка на русский язык.....	68
3.1 Ситуации с нестабильным характером отношений.....	69
3.2 Общение незнакомых людей.....	74

3.3 Ситуации общения с родными и близкими.....	74
3.4 Общение представителей разных поколений.....	76
3.5 Детское общение.....	77
3.6 Ситуации общения «студент – преподаватель»	78
3.7 Общение при наличии большой статусной дистанции.....	80
3.8 Деловая переписка.....	81
Выводы по главе 3.....	82
Глава 4. Сравнительный анализ использования местоимений в качестве обращения к одному лицу в различных типах текстов.....	
4.1 Тексты рекламного характера.....	83
4.2 Рецепты.....	87
4.3 Тексты официально-делового стиля.....	90
4.4 Случаи использования De в современном норвежском языке.....	94
Выводы по главе 4.....	95
Заключение.....	96
Список использованной литературы и источников.....	98

Введение

Объектом исследования настоящей диссертации послужили местоимения русского и норвежского языков, используемые в качестве обращения к одному лицу: в русском языке – местоимение 2-го лица единственного числа «ты» и форма «вы», выступающая в функции местоимения 2-го лица единственного числа; в норвежском языке – местоимение 2-го лица единственного числа *du*, а также местоимение 3-го лица множественного числа *De* как обращение к одному собеседнику.

Целью исследования является выявление способов, помогающих передать специфику употребления местоимений в русском и норвежском языках при переводе. Особенно остро указанная проблема проявляется в рамках современных текстов. Дело в том, что сейчас, в отличие от периода до 1970-х годов, в норвежском языке в качестве обращения в единственном числе используется почти исключительно одно местоимение – *du*; обращение *De* практически ушло в прошлое. В русском языке, напротив, в этой роли широко используются два местоимения: «ты» и «вы». Эти различия и могут вызывать сложности при переводе.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Изучив научную литературу по данному вопросу, выявить основные функции и особенности местоимений второго лица единственного числа в типологическом плане, равно как и в каждом из языков, указанных в названии работы;
- 2) Сравнить норвежские переводы русских художественных произведений, относящихся к различным периодам, с оригиналами;
- 3) Сравнить русские переводы современных норвежских художественных текстов с оригиналами;
- 4) Сопоставить на предмет использования местоимений в качестве обращения русские и норвежские тексты, относящиеся к другим стилям речи.

Основным методом исследования выступает сравнительный метод, предполагающий сравнение функций рассматриваемых местоимений, а также текстов на русском и норвежском языках, в которых эти местоимения используются.

Актуальность исследования заключается в целом в том, что исследования в области перевода играют сейчас чрезвычайно важную роль и с точки зрения практического применения обнаруженных благодаря ним соответствий и расхождений между различными языками, и в плане их теоретического осмысления. Что касается частной темы настоящего исследования, необходимость правильного использования в переводах текстов самого разного характера местоимений второго лица, основной функцией которых является обозначение собеседника, представляется очевидной и не требующей отдельного обоснования.

Новизна данной работы заключается в том, что проблема перевода рассматриваемых местоимений в контексте русский – норвежский языки прежде специально не рассматривалась.

В качестве **теоретической основы** была использована литература о местоимениях, написанная на русском (К. Е. Майтинская, Д. В. Сичинава, О. Н. Селивёрстова, М. А. Кронгауз, Т. В. Крылова, А. Д. Шмелёв, В. М. Алпатов, А. Г. Балакай, Е. А. Гурова, Н. Ю. Линевиц и др.), норвежском (Dr. Aug. Western, T. Knudsen, O. Næs, B. Berulfsen, F.-E. Vinje, D. Gundersen, E. Lundeby и др.) и английском языках (K. Wales, J. Meyer-Myklestad).

Источниками языкового материала послужили в основном художественные - как наиболее адекватно отражающие узус - произведения, как русской литературы - «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Стечение обстоятельств» А. Марининой, «Коронация, или Последний из романов» Б. Акунина и др., так и норвежской - «Шарлотта Исабель Хансен» Т. Ренберга и «Лучшие из нас» Х. Ури, и переводы этих произведений на норвежский и русский язык, соответственно; отдельно рассмотрены также тексты рекламного, инструктивного и т.п. характера на обоих языках.

Сбору теоретической литературы и источников языкового материала в значительной мере способствовало включённое обучение в течение семестра в Бергенском университете (август-декабрь 2016 года). Поскольку в Норвегии существует два официально принятых варианта языка: букмол и новонорвежский, важно подчеркнуть, что в данной работе рассматривается использование местоимений именно в букмоле как самом распространённом из них.

Глава 1. Местоимение

1. Местоимение в лингвистической теории

1.1. Неоднозначность терминологии

Согласно определению, которое приводится в статье С. А. Крылова и Е. В. Падучевой в ЛЭС, местоимение – это «лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесённости слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус); к местоимениям принято относить только *имена*, — существительные, прилагательные, числительные» [<http://tapemark.narod.ru/les/294b.html>]. Отмечается также, что местоимения «входят в более широкий лексико-семантический класс *местоименных слов*, которые иногда в расширительном смысле все называются местоимениями» [Там же].

Неоднозначность термина «местоимение» послужила одной из тем статьи «Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность», опубликованной в «Вестнике ЮурГУ». В мировой грамматической традиции это понятие используется, во-первых, в качестве синонима к местоименным словам. Во-вторых, оно может означать знаменательную часть речи, которая указывает на «предметы, признаки предметов, на количество предметов и действий, но не называет их» [Брусенская Л. А., цит. по: Комарова, Шадрина

2010: 33]. В-третьих, под местоимениями могут подразумеваться предметно-личные местоимения, а также местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия. В-четвёртых, термин «местоимение» может употребляться в значении части речи, которая указывает на предмет или признак в условиях конкретной ситуации. Далее, местоимение – это «замкнутый класс особых полностью грамматикализованных систем» [Плунгян В. А., цит. по: там же: 33]. Наконец, рассматриваемый термин может означать «слова с референциальным значением, маркёры референции» [Кронгауз М. А., цит. по: там же: 33]. Для данной диссертации особенно важным представляется последний момент. Поясним, что референция – это «отнесённость актуализованных (включённых в *речь*) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (*референтам, денотатам*)» [<http://tapemark.narod.ru/les/411a.html>].

Таким образом, можно утверждать, что терминология в отношении местоимений пока окончательно не устоялась.

1.1.2 Местоимение как часть речи

По словам Е. В. Падучевой, «местоимения образуют класс слов, с обязательностью присутствующий в любом языке, и одновременно такой, единство которого часто подвергалось сомнению и оспаривалось» [Падучева 1985: 11].

Согласно европейской грамматической традиции, местоимение представляет собой отдельную часть речи [подробнее см. об этом: <http://tapemark.narod.ru/les/294b.html>]. В XX веке, однако, появились теории, в соответствии с которыми местоимения не образуют отдельную часть речи, а входят в состав других частей речи. Каких именно - зависит от синтаксических функций конкретных единиц.

Приверженцев этих теорий можно разделить на две группы [подробнее см. об этом: там же]. Для представителей первой группы крайне важным оказывается то, как на значение местоименных слов влияет сама речевая ситуация. К. Бругман, К. Бюлер, У. Вайнрайх, например, называют местоимения

«указательными (дейктическими) словами», О. Есперсен, Р. О. Якобсон – «подвижными определителями» или «шифтерами», А. М. Пешковский – словами с «субъективно-объективным» значением, и т. д.

В других трактовках большое значение придаётся «заместительной» функции местоименных слов. Л. В. Щерба, Л. Блумфилд, З. З. Харрис определяют местоимения как «заместительные слова» или «субституты», Ф. Брюно называет их «репрезентантами», А. М. Пешковский, М. В. Панов употребляют понятие «местоимение».

Современный московский исследователь Д. В. Сичинава в своём труде «Части речи» в качестве критериев, по которым выделяют части речи, указывает следующие: морфологический, синтаксический, семантический. Именно поэтому частеречные классификации, составленные разными авторами, могут значительно различаться.

Согласно самой распространённой трактовке, в русском языке можно выделить десять частей речи, в том числе местоимение. Для удобства в данной работе будет использоваться именно этот подход.

Перейдём к вопросу о том, к какому разряду относятся местоимения по мнению большинства исследователей. Продолжая традиции отечественного языкознания, Д. В. Сичинава отмечает, что все части речи, как правило, разбивают на две группы: самостоятельные (знаменательные) части речи и служебные. В качестве особого класса выделяют междометия. Что касается местоимения, оно образует отдельную подсистему, обладающую теми же морфологическими и синтаксическими признаками, что и главная частеречная система, о чём речь пойдёт на следующей странице.

Однако особенностью местоимения является то, что оно объединяет в себе как характеристики **знаменательных** частей речи, так и **служебных**. С одной стороны, оно выступает в качестве члена предложения, с другой стороны, номинативных функций оно не выполняет. Несмотря на это, некоторые исследователи, как уже говорилось, относят местоимения к самостоятельным частям речи.

Ссылаясь на «Русскую грамматику» под редакцией Н. Ю. Шведовой, Д. В. Сичинава пишет, что в числе знаменательных частей речи можно выделить основные и неосновные части речи. Основные части речи являются открытыми и насчитывают огромное число единиц. **Неосновные** представляют собой закрытые лексические классы значительно меньшего объёма, к ним и относят местоимения.

Как и другие части речи, местоимение гетерогенно (разнородно) с позиции частеречных признаков. Говоря о местоимениях, необходимо упомянуть такую разновидность гетерогенности, как морфологическая гетерогенность. Так, среди местоимений можно обнаружить аналоги существительных, прилагательных, а также, согласно некоторым версиям, аналоги наречий, числительных и предикативов. В качестве главного параметра здесь выступает семантический признак, то есть диктуемое речевой ситуацией значение. Что касается личных местоимений, они сходны по функциям и признакам с существительными.

Е. В. Падучева в своей работе, посвящённой референции, поддерживает ту точку зрения, согласно которой местоимения не являются отдельной частью речи: «Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с действительностью» [Падучева 1985: 11].

Из вышесказанного следует, что среди исследователей нет единого мнения о том, является ли местоимение отдельной частью речи. Согласно большинству трактовок, местоимение нельзя отнести ни к самостоятельной части речи, ни к служебной. Оно образует совершенно особую подсистему и объединяет в себе как характеристики знаменательных частей речи, так и служебных. Местоимение представляет собой замкнутый лексический класс, являющийся морфологически гетерогенным. А. С. Белоусова, ссылаясь на

академика В. В. Виноградова, пишет в статье «К вопросу о семантической классификации местоименных слов», что «местоименные слова можно рассматривать как целость лишь на семантической основе» [Белоусова 1995: 47].

В заключение хотелось бы также привести слова академика В. В. Виноградов о противоречивом, с точки зрения грамматики, положении местоимений в русском языке: «В местоимениях пережиточно сохранились, хотя и в сильно измененном виде, следы древнейших стадий грамматического строя. В силу своеобразий своей лексической и грамматической природы местоимения до сих пор не вполне слились с живой системой продуктивных частей речи и не перешли целиком в разные синтаксические частицы» [Виноградов 2001: 280].

Таким образом, относительно частеречной принадлежности местоимений определённости пока нет.

3. Общая характеристика источников, содержащих сведения о местоимениях

Труды, в которых авторы в большей или меньшей степени уделяют внимание местоимениям, можно разделить на четыре группы, согласно классификации, данной в исследовании К. Е. Майтинской «Местоимения в языках разных систем». Первая из них включает в себя грамматики отдельных языков или групп языков. Общей проблематики местоимений авторы подобных работ обычно не касаются, занимаясь изучением свойств местоимений исключительно в рассматриваемом языке или языковой группе. В качестве примера такого рода источника К. Е. Майтинская указывает в сноске работу младограмматиков К. Бругмана (K. Brugmann), Б. Дельбрюка (B. Delbrück). «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen».

Вторая группа исследований включает в себя работы, в которых рассматриваются свойства или история местоимений определённых языков или языковых групп. Подобные исследования проводились в контексте индоевропейских языков, а также некоторых других. Примерами могут служить

работа С. Ф. Самойленко «Из истории восточнославянских местоимений» и труд В. С. Воробьёва-Десятовского «Развитие личных местоимений в индоарийских языках».

К третьей группе относятся сочинения, авторы которых, как, например, К. Бругманн, занимаются теоретическими вопросами в рамках исследования местоимений.

Четвёртую группу составляют источники, в которых сравниваются местоимения, принадлежащие к языкам разных систем. В качестве одного из примеров К. Е. Майтинская приводит работу И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи».

По очевидным причинам можно утверждать, что данная диссертация продолжает традицию второй группы исследований.

1.1.4 Семантическое своеобразие местоимений

Среди лингвистов нет единого мнения о том, в чём заключается семантическое своеобразие местоимений. Как пишет Селиверстова в монографии «Местоимения в языке и речи» [Селиверстова 1988: 26-27], существуют различные точки зрения даже на вопрос о том, присуще ли местоимениям значение как таковое. Некоторые лингвисты дают на этот вопрос отрицательный ответ; другие считают, что значение местоимений меняется в зависимости от речевого акта; по мнению третьих, значение местоимений характеризуется устойчивостью в той же мере, что и значение других языковых знаков.

Селиверстова также отмечает, что в трудах многих лингвистов учтена многослойность местоименного значения, то есть присутствие в нём различных пластов. Многослойность присутствует во всей лексике языка, но в случае с местоимениями она прослеживается особенно очевидно. Об этом свойстве местоимений пишет в том числе Л. Блумфилд.

Сама Селиверстова поддерживает точку зрения, согласно которой значение у местоимений всё-таки есть: «Наличие у местоимений значения, как

нам представляется, однозначно доказывается тем, что каждое из них несет свою информацию, которая не зависит от контекста» [Селиверстова 1988: 29].

Вероятно, возникновение двух других мнений связано, по Селиверстовой, с тремя факторами, наличие которых, однако, не доказывает ни непостоянности значения местоимений, ни его отсутствия. Первый фактор заключается в том, что местоимения не выявляют те свойства, которые присущи конкретному объекту. Далее, у местоимений нет постоянной денотативной отнесённости, что «составляет, несомненно, одно из важнейших следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения, но это следствие не доказывает изменчивости самого значения» [Селиверстова 1988: 30]. Здесь необходимо отметить, что именно отсутствие постоянной денотативной отнесённости позволило учёным рассматривать местоимения как шифтеры, о чём подробнее будет рассказано далее. Наконец, представляется, что в значении местоимений присутствует нечто ещё, помимо характеристики лица посредством его отношения к речевому акту или с помощью соотнесения с контекстом.

Семантическое своеобразие местоимений, по мнению Селиверстовой, состоит в том, что они, с одной стороны, задают некий уровень представления актанта ситуации, но, с другой стороны, не несут информации, которая с этим уровнем представления соотносится: «они либо отсылают к тому элементу контекста или ситуации, который может восполнить недостающие сведения, либо указывают на несущественность этих сведений или отсутствие их у говорящего» [Селиверстова 1988: 32].

Как пишет в уже упомянутой статье А. С. Белоусова (отметив, что в семантическом словаре местоименные слова составляют класс «Указующих слов»), «лексическое множество указующих слов охватывает всю традиционно выделяемую сферу дейксиса, т. е. особый тип слов с относительным, меняющимся конкретным содержанием, выполняющих функцию так называемых определителей ситуационных или контекстных взаимоотношений в речи» [Белоусова 1995: 48].

Именно этот аспект местоимений и будет представлять предмет интереса во 2-ой и 3-ей главах.

1.1.5 Классификация местоимений

Как считают многие, например, С. А. Крылов и Е. В. Падучева, местоимения можно разделить как на логико-семантические разряды, так и на тематические классы. В первом случае главную роль играет характер местоименного значения, а во втором - особенности тематического компонента. Остановимся подробнее на логико-семантических разрядах. Среди них выделяют дейктические, анафорические и кванторные местоимения. Для данной работы интерес представляет первый вид местоимений.

Значение дейктических местоимений характеризуется «отсылкой к участникам данного акта речи или к речевой ситуации» [<http://tapemark.narod.ru/les/294b.html>]. К дейктическим местоимениям относятся личные местоимения 1-го и 2-го лица и указательные местоимения. Местоимения 3-го лица к ним не относятся, поскольку они, во-первых, обозначают «неучастников речевого акта, лиц, занимающих пассивную коммуникативную позицию объектов речи» [Химик 1990: 11], а во-вторых, «косвенно отражают позицию самого говорящего, позицию повествователя, но не участника сообщаемого факта» [Там же: 11].

1.2 Личные местоимения

Понятие «личное местоимение» тесным образом связано с речевым актом. Как пишет В. А. Плунгян, основных участников акта речи два: говорящий и адресат, которые вместе называются лицами: первым лицом и вторым соответственно. В традиционной терминологии также принято выделять третье лицо, напрямую в акте речи не участвующее (что уже упоминалось в данной работе) и в силу этого обстоятельства не являющееся лицом в строгом смысле слова. И всё же «слова, обозначающие как участников, так и не-участников речевого акта» [Плунгян 2011: 309], как правило, называют личными местоимениями.

Говоря о личных местоимениях, нельзя не упомянуть термин «шифтеры», который, как пишет М. А. Кронгауз, был предложен О. Есперсеном и Р. О.

Якобсоном, или понятие «дейктические слова», используемое К. Бругманом, К. Бюлером и У. Вайнрайхом. Существует также семиотический термин «индексы», употребляющийся для обозначения тех же слов. Индексы – это языковые знаки, «семантика которых непосредственно ориентирована на речевую ситуацию» [Кронгауз 2001: 350]. Примерами могут служить такие слова, как «я», «ты», «сейчас», «сегодня». В их значении присутствует отсылка к речевой ситуации.

Так, личное местоимение 1-го лица единственного числа «я» обозначает того, кто это слово произносит, поэтому во время беседы каждый говорящий применяет это слово по отношению к себе. Получается, что упомянутое местоимение словно переходит от одного собеседника к другому, относясь то к одному говорящему, то к другому. При этом слова «я» и «говорящий» не синонимичны.

Основные свойства личного местоимения 2-го лица единственного числа «ты», как пишет М. А. Кронгауз, практически совпадают с основными свойствами местоимения «я», однако местоимение «ты» относится к адресату, а не к говорящему. Во время разговора этим местоимением называют разных людей. Слова «ты» и «собеседник», так же, как и слова «я» и «говорящий», не синонимичны.

Для понимания точного смысла слов, в значении которых содержится переменная, необходимо знать условия, при которых эти знаки употребляются. В противном случае может возникнуть путаница.

Таким образом, по М. А. Кронгаузу, употребление шифтеров связано с определёнными ограничениями. «Если говорящий хочет, чтобы собеседник его понял и получил конкретную информацию, он должен позаботиться о том, чтобы собеседнику были известны все необходимые параметры речевой ситуации» [Кронгауз 2001: 352].

Прежде чем переходить к следующему разделу, хотелось бы отметить, что, поскольку данная работа посвящена переводу местоимений второго лица единственного числа, то далее акцент будет сделан именно на них.

1.3 Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в языках мира

Рассмотрим личные местоимения, использующиеся к качестве обращения к одному лицу, в таких языках, как английский, немецкий, французский и др.

В **английском языке** прежде параллельно с местоимением *you Вы*, употреблявшимся для обозначения одного лица, использовалось местоимение *thou ты*. Впоследствии, однако, употребление местоимения *thou* сошло на нет, и местоимение *you* стало носить нейтральный характер [подробнее см. об этом Майтинская 1969: 151-152].

Как пишет К. Уэйлз (K. Wales), сейчас «использование местоимения *you* в качестве единственного местоимения-обращения не маркирует <...> возможные различия в плане числа слушающих и их социального статуса, которые находят формальное выражение в системе местоимений других языков, и для обозначения которых в современном английском необходимо прибегать к разнообразным лексическим средствам»¹ [Wales 2003: 73]. Однако это замечание касается только стандартного английского [подробнее см. об этом Wales 2003: 73].

В книге К. Уэйлз можно также найти довольно подробное описание истории личных местоимений в английском языке. В древнеанглийском *you* выполняло роль местоимения второго лица множественного числа. Строго говоря, оно являлось формой объектного падежа. В английской литературе XIII века, то есть после Нормандского завоевания Англии, местоимение *you* начинает использоваться в качестве вежливого обращения к одному слушателю. Использование этого местоимения в такой роли утвердилось к концу XIV века, что было обусловлено влиянием куртуазных обычаев и французской литературы.

В отличие от французского и других европейских языков, в английском не устоялось чётких разграничений в употреблении местоимений второго лица,

¹ Здесь и далее перевод цитат из научной литературы на иностранных языках принадлежит автору магистерской диссертации.

при обращении к единичному собеседнику, с позиции социального положения говорящих. Как пишет К. Уэйлз, в текстах, принадлежащих к средневековому и ранненовоанглийскому периодам, местоимение *you* могло использоваться в обращении к одному и тому же человеку, часто свидетельствуя о перемене в чувствах, в отношении.

В целом главные отличия между сферами употребления местоимений *thou* и *you* в среднеанглийский период заключались в следующем. Местоимение *you* использовалось в качестве обращения к людям, занимающим более высокое социальное положение; либо к людям, занимающим то же социальное положение, что и говорящий, если участники беседы принадлежали к верхним слоям общества; в ситуации публичного обращения; в качестве официального или нейтрального обращения; а также для выражения почтения и восхищения. Местоимение *thou*, в свою очередь, употреблялось по отношению к людям, занимающим более низкое положение в обществе; в обращении к равне в том случае, если участники беседы занимали низкое положение на социальной лестнице; при разговоре наедине; в качестве неформального обращения; а также для выражения презрения.

Местоимение *you* всё чаще «вторгалось в сферу употребления» [Wales 2003: 73] местоимения *thou*, в результате чего на рубеже XVI - XVII вв. на смену критерию вежливого/неофициального обращения приходит разграничение употребления местоимений *you* и *thou* с точки зрения маркированности/немаркированности. Местоимение *you*, соответственно, используется в качестве маркированного, а *thou* – в качестве немаркированного, согласно терминологии лингвистов Малхолланда и Квирка, упоминаемых К. Уэйлз. Такое разграничение имеет место в английском до сих пор.

Причин того, что местоимение *thou* утратило былые позиции, было несколько. Как пишет Й. Мейер-Мюккестад (J. Meyer-Myklestad), это местоимение использовали при переводе Библии, в связи с чем оно стало вызывать у людей религиозные ассоциации. «Оно сохранялось у пуритан ещё долгое время после того, как начало устаревать, и поэтому стало

ассоциироваться с определёнными социальными классами, в особенности с низшей прослойкой среднего класса» [Meyer-Myklestad 1967: 416].

Местоимение *thou* утратило популярность и в связи с политикой. Дело в том, что «использование в речи таких форм часто являлось признаком симпатий к взглядам круглоголовых; во время Гражданской войны, а также после Реставрации пуритане и люди, чья манера выражаться напоминала речь пуритан, были крайне непопулярны среди определённых классов общества» [Meyer-Myklestad 1967: 416].

Сейчас местоимение *thou* используется в английских диалектах, а также в песнях.

Говоря об английском местоимении *you*, хотелось бы также кратко охарактеризовать особенности его использования в сравнении с русскими местоимениями «ты» и «вы», о чём говорится в статье С. Л. Кушнерук «Личные местоимения как языковые маркёры пересечения текстовых миров в рекламе». Автор упомянутой статьи пишет следующее: «В англоязычной рекламе местоимение «*you*» создает иллюзию обращения индивидуально к каждому читающему, что способствует установлению отношений близости и доверия между производителем и потенциальными покупателями» [Кушнерук 2008: 86]. При этом, поскольку оппозиции «ты» / «вы» в современном английском нет, информации о формальности/неформальности местоимение *you* не несёт.

В русскоязычной рекламе ситуация несколько иная. Местоимение «вы» указывает на «более формальный тип отношений между производителем и покупателем с проявлением уважения и готовности услужить последнему» [Кушнерук 2008: 86], в то время как местоимение «ты» «подчеркнуто фамильярно сокращает дистанцию между сторонами» [Кушнерук 2008: 87].

Перейдём к современному **немецкому языку**. Здесь наряду с местоимением 2-го лица единственного числа *du* используется вежливая форма *Sie*. Эта форма «совпадает по своим грамматическим формам с местоимением *sie*/они 3-го лица множественного числа» [<http://online-language.org/article/german-section/283-personalpronomen-possesivpronomen> - 08.10.16]. В книге

Norsk grammatikk: Riksmål og moderat bokmål *Норвежская грамматика: риксмол и умеренный букмол* говорится, что если местоимение *du* используется при общении близких друг другу людей, то *Sie* употребляется в том случае, когда отношения между собеседниками носят более нейтральный или дистанцированный характер, либо если собеседники не знакомы вовсе. В отличие от норвежского *De*, которое в современном норвежском может создавать некую дистанцию, немецкое *Sie* не является маркированным. Немецкое *du*, напротив, маркировано: его употребление свидетельствует о наличии близких отношений между собеседниками.

В современном **французском языке** «личное местоимение 2-го лица множественного числа *vous* «вы» как местоимение вежливости относится безразлично к одному лицу или ко многим лицам» [Майтинская 1969: 156]. К этому местоимению, а также к местоимению 2-го лица единственного числа *tu ты* можно отнести характеристики, относящиеся и к немецким *Sie* и *du* соответственно и описанные с опорой на книгу «Norsk grammatikk: Riksmål og moderat bokmål» *Норвежская грамматика: риксмол и умеренный букмол* (см. последние три предложения предыдущего абзаца).

В статье В. М. Алпатова «Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке» говорится, что система личных местоимений **в японском** очень сложна. Существуют различия в употреблении местоимений в зависимости от диалекта говорящего, его пола, возраста, социального положения и профессии.

Основных местоимений 2-го лица в современном японском - семь: *анатасама, аната, анта, кими, омаэсан, омаэ* и *кисама*. В качестве отдельного случая рассматривается опущение местоимения.

Опущение местоимения встречается, когда необходима наибольшая степень вежливости. Тогда используется обращение в 3-ем лице и адресата называют, например, по фамилии или званию. Вышесказанное характерно в основном в ситуации обращения к вышестоящему лицу, а также к старшим. Любопытно то, что опущение местоимения не обязательно означает подчеркнуто вежливое отношение к адресату.

Анатасама является «единственным местоимением, в значение которого входит семантический компонент «высший» по отношению к собеседнику» [Алпатов 1980: 14]. Это обращение используется по отношению к лицам, занимающим более высокое положение на социальной лестнице. Как предполагает В. М. Алпатов, упомянутое местоимение выражает подчеркнуто вежливое отношение к адресату. Это местоимение встречается только в речи пожилых и считается устаревшим.

Местоимение *аната* рассматривается в качестве вежливого, его употребляют, как правило, в отношении «незнакомых или малознакомых людей примерно одного с говорящим социального круга» [Алпатов 1980: 14].

Местоимение *анта* можно охарактеризовать двумя значениями: подчеркнуто фамильярного, а также подчеркнуто грубого.

Использование местоимения *кими* наиболее характерно для речи мужчин. Чаще всего оно употребляется в обращении к лицам, занимающим примерно равное с говорящим социальное положение, например в ситуации общения с близкими друзьями. Однако упомянутое местоимение употребляется и при обращении к низшим, например к более молодым членам семьи, к подчинённым. Местоимение *кими* также встречается в ситуациях, где подчёркивается превосходство говорящего, например при допросе в полиции «лиц, по отношению к которым не должна выражаться вежливость» [Алпатов 1980: 16].

Омаэсан употребляется редко. В. М. Алпатов пишет, что, по мнению информантов, так в основном говорят пожилые люди при обращении к малознакомым или незнакомым людям более молодого возраста.

Местоимение *омаэ* считается «грубым» и используется в отношении низших или близких. По значению это местоимение подчёркивает превосходство говорящего. Сфера его употребления у мужчин намного шире, чем у женщин, и включает в себя, в частности, обращение к жёнам, детям, младшим братьям и сёстрам и т. д.

Местоимение *kisama* считается самым «грубым». Оно употребляется с целью выразить грубость по отношению к адресу «без связи с его положением низшего» [Алпатов 1980: 18].

Как можно заметить, функции личных местоимений в разных языках, обслуживающих разные культурно-языковые общности, могут сильно различаться.

1.3.1 Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в скандинавских языках

В датском языке, как будет видно далее, система обращений во многом схожа с норвежской системой обращений. Опираясь на подробные статьи Е. А. Гуровой, опишем, как обстоят дела с обращением в единственном числе **в датском языке**.

В древности в Дании обращались к одному лицу только на «ты». В XIV в. наряду с *du* начинает также использоваться вежливое *I* (на немецкий манер). В XVII в. в качестве вежливой формы начинают употребляться местоимения 3-го лица единственного числа *han/hun* (разумеется, сохраняя свои первоначальные функции). В XVIII в. функцию вежливого обращения в датском языке приобретает также местоимение *De*, по аналогии с немецким *Sie*. К началу XIX в. формы *I* и *han/hun* практически полностью выходят из употребления, и, таким образом, в датском языке формируется оппозиция местоимений *De Вы* и *du ты*. Решающую роль при выборе формы обращения играл социальный статус собеседников.

Е. А. Гурова пишет: «Противопоставленность форм обращения *du* и *De* сохраняется вплоть до 1960-х годов. Дети и молодые обращались друг к другу на «ты». Взрослые обращались на «ты» к детям и молодым людям примерно до 18-20 лет. Ко взрослым дети обращались на «Вы», взрослые были также на «Вы» друг с другом» [Гурова 2016: 21]. В сельской местности использовалось местоимение *du*, за исключением тех случаев, когда надо было обращаться к помещику или хозяину большой фермы.

В 1960-е годы, однако, в системе обращений датского языка происходят большие изменения. Считается, что они явились следствием демократизации общества, молодёжного бунта 1968 г. (его участники требовали отмены обращения *De*) и становление общества всеобщего благоденствия. В итоге местоимение *du* занимает главенствующую позицию в качестве обращения к одному лицу вне зависимости от ситуации общения.

Для XXI в. характерно существенное сокращение сферы употребления местоимения *De*. Как пишет Е. А. Гурова, некоторые датчане сейчас, очевидно, не используют это местоимение вовсе. В 2012 году фирмой «YouGov» был проведён опрос для газеты «MetroXpress», в результате которого выяснилось, что 25% датчан выступает за полную отмену вежливой формы *De*.

За последнее время отмечено всё более частое использование молодым поколением местоимения *De* в отношении людей старшего возраста. Е. А. Гурова пишет также, что, несмотря на ломку прежней системы обращений, датчане всё равно сталкиваются с ситуациями общения, предполагающими уважительное обращение к собеседнику. В связи с этим многим датчанам приходится использовать в речи безличные конструкции, дабы избежать употребления местоимения *du* или *De*, отмечает автор статьи, ссылаясь на работы Е. Хансена (E. Hansen)² и Б. Андерсена (B. Andersen)³.

Е. А. Гурова также пишет, что, по мнению Б. Андерсена, сейчас появилось «новое» *De*, употребляющееся в ситуациях, «не предполагающих интимно-доверительных отношений между коммуникантами – в государственных учреждениях, сфере обслуживания, рекламе и официальной корреспонденции» [Гурова 2016: 23].

В датском языке также до сих пор могут использоваться в качестве вежливого обращения местоимения 3 лица, что, впрочем, случается довольно редко и в определённых сферах. Этими сферами являются парламент, правительство, министерства и армия. В другой статье, «Формы общения на

² Hansen E. Skulle vi ikke være Des? // Mål og Mæle 1. Maj 1998. S. 19-20.

³ Andersen B. Høflighed uden grænser – om du & De og den måde vi behandler hinanden på. Forlaget LIVA, 2014. 423 s.

«ты» и на «вы» в датском языке», Е. А. Гурова отмечает тот любопытный факт, что при обращении к премьер-министру и другим министрам «почтительное обращение в 3 лице используется при первой встрече или в официальной обстановке, далее происходит незаметный переход на «ты» [Гурова 2016а: 210].

Для современного датского языка также характерны следующие тенденции: возрастающее число случаев употребления местоимения *du* в функции неопределённо-личного *man* (причём известны случаи, когда в неопределённо-личном предложении сначала использовано местоимение *man*, а затем – *du*) и использование *du* в качестве эмотивного элемента в конце предложения.

Остановимся подробнее на последнем явлении. Оно свойственно разговорной речи, и местоимение *du* в таком употреблении выступает в роли междометной единицы. Все отобранные Е. А. Гуровой примеры – это эмоционально окрашенные предложения, где *du* выполняет функцию усилителя. Практически все рассмотренные автором коммуникативные ситуации представляют собой общение людей, которые между собой хорошо знакомы. «В официальной обстановке при обращении к незнакомому или малознакомому человеку подобное использование местоимения воспринимается как невежливое, даже хамское...», отмечает Е. А. Гурова. В большинстве отобранных примеров говорящий таким образом выражал недовольство ситуацией или собеседником. Также автору статьи, однако, встретились и предложения, где эмотивное *du* было употреблено с целью «продемонстрировать интимную доверительность или дружескую фамильярность» [Гурова 2016: 26].

Местоимение *du* в подобных предложениях не выполняет своей заместительной функции, оно выражает лишь эмотивность.

Обобщая сказанное в статье, её автор подчёркивает, что в начале XXI века, несмотря на лидирующее положение обращения *du* во всех сферах общения, оппозиция *du* – *De* присутствует в речи имплицитно и выражается прочими средствами вербальной и невербальной коммуникации.

Рассмотрим теперь, как обстоит ситуация с обращениями в **шведском языке**. Поможет нам в этом статья Н. Ю. Линевиц «Сравнительный анализ средств реализации принципа вежливости в шведском и английском языках».

В шведском существует два местоимения, употребляющихся в качестве формы обращения к одному лицу: *du* (косвенная форма – *dig*, притяжательная – *din/ditt*) и уважительное *ni* (косвенная и притяжательная формы – *er*).

Как пишет Н. Ю. Линевиц, «...ранее существовавшее чёткое деление обращений на *du/ni* <...> постепенно уходит, оставляя лишь неформальный вариант *du* и соответствующий ему минимум в использовании титулов» [Линевиц 2016: 210]. Теперь проблема выбора между *du* и *ni* возникает очень редко.

Изначально в шведском языке как обращение к одному лицу употреблялось только местоимение *du*. Под влиянием немецкого в XIV веке в этой функции начинает также использоваться местоимение 2-го лица множественного числа *I* - в качестве вежливого обращения. «Сначала сфера его употребления была маркированной, так как оно употреблялось в среде высокопоставленных людей того времени. Приблизительно в XVII-XVIII веках *I* получает широкое употребление и закрепляет за собой статус немаркированности, в то время как *du* становится маркером интимности / солидарности» [Там же: 211]. С XVI века в качестве обращения используются титулы и местоимения 3-го лица *han/hon*.

Позднее появилась форма *ni*, образованная от местоимения *I* с помощью присоединения *n* от стоящей впереди личной формы глагола. Предполагается, что в разговорном языке обращение *ni* начали широко использовать в начале XVII века. В письменном языке эта форма укрепилась значительно позже – с середины XVIII. До начала XX века *ni* и считавшееся более уважительным обращение *I* существовали параллельно. В начале XX века обращение *I* было полностью вытеснено формой *ni*.

Далее Н. Ю. Линевиц пишет: «К концу XVIII века форма обращения *ni* получила полное признание шведской знати, находившейся под влиянием французского языка, а в 1786 году уже члены Шведской Академии обращались

друг к другу на *ni*» [Там же: 212]. 1800 год, однако, отмечен акциями протеста против использования при обращении формы *ni*, вследствие чего произошло усиление употребления титулов.

За пределами городских поселений в XIX веке, наоборот, начинают широко использовать форму *ni* в обращении к родителям и людям старшего возраста.

В середине XIX века в Швеции попробовали заменить употребление титулов и званий формой *Ni*, но эта попытка не возымела успеха. В результате «*Ni* стало употребляться как менее вызывающая форма *du*, используемая для обращения к людям более низкого социального статуса».

В 1960-е годы произошла либерализация и радикализация шведского общества, в связи с чем стали менее важны различия между социальными классами. Это нашло отражение и в языке: *du* закрепилось в качестве стандартного обращения даже в официальном контексте.

В современном шведском языке использование формы *du* для обращения в единственном числе воспринимается как норма и «даже располагает собеседников друг к другу» [Там же: 212], как пишет Н. Ю. Линевич.

Обратимся, наконец, к **норвежскому языку**. Приблизительно до 1970-х годов здесь широко использовались различные «вежливые» местоимения, что можно подтвердить многочисленными примерами из художественной литературы. Теперь же использование местоимения в качестве вежливого обращения почти не встречается, так что даже к незнакомым людям в Норвегии обращаются, используя местоимение второго лица единственного числа *du ты*.

Посмотрим, что говорится о местоимении *du* в толковом словаре норвежского языка (букмола) *Vokmålsordboka*. Необходимо отметить, что местоимение *du* используется в норвежском языке не только в качестве обращения к кому-то – у этого местоимения есть и другие функции.

Итак, помимо обращения в единственном числе (в том числе в молитвах, о чём в словаре упомянуто отдельно), местоимение *du* употребляется:

1) в восклицаниях: "Å kjære, vene **deg**," sa den tredje. *Ах, голубушка ты наша, - сказал третий*⁴ [<http://runeberg.org/folkeven/005.html>].

2) в качестве неопределённо-личного местоимения: **Du** skal ikke undervurdere en god liste (было курсивом) *Не стоит недооценивать хорошо составленный список* (досл. *Ты не должен недооценивать хорошо составленный список*) [<http://www.kk.no/livsstil/slik-f%C3%A5r-du-orden-p%C3%A5-kaoset-22922>].

Поскольку в данной работе большое внимание будет уделено также норвежской уважительной форме De, то посмотрим, что говорится в словаре и о ней. В части словарной статьи, посвящённой de как местоимению (собственно, только эта часть и представляет интерес для данной работы), сказано, что оно используется либо для обозначения одушевлённых лиц / предметов во множественном числе **De** dro alle til Oslo for å skape en karriere *Все они отправились в Осло, чтобы сделать карьеру* [<http://sva.no/nyheter/de-dro-alle-til-oslo-for-a-skape-en-karriere/19.7184>], либо как вежливое обращение в единственном числе: **De** kan ikke overraske meg mere, svarte han «*Вам* меня более нечем удивить», *ответил он* [Hamsun 1982: 70].

Посмотрим теперь, что пишут об использовании норвежский местоимений, использующихся при обращении к одному лицу, в норвежскоязычной литературе. Источники будут рассмотрены в хронологическом порядке с целью проследить развитие взглядов на нормы употребления местоимений.

В книге Й. Мусеуса «Грамматика норвежского языка» 1843 г., издававшейся также под названием «Грамматика датского языка», в таблице личных местоимений в качестве местоимения второго лица множественного числа указано местоимение I *вы, Вы*. Ниже следует его посессивная форма Eders и объектная форма Eder (jer).

Об употреблении местоимения I автор пишет, что «...использование местоимения 2 лица множественного числа не всегда подразумевает обращение

⁴ Здесь и в последующих трёх примерах перевод принадлежит автору магистерской диссертации.

к нескольким людям; порой оно используется также в обращении к одному или нескольким людям, если подспудно имеется в виду человек или люди, не присутствующие непосредственно при разговоре» [Musæus 1843: 23].

Однако далее в книге говорится следующее: «Вместо местоимения 2 лица единственного числа в старые времена часто использовалась форма множественного числа того же самого местоимения или местоимение 3 лица единственного числа. Теперь в обращении к людям, с которыми говорящий находится в не особенно близких отношениях, употребляется местоимение 3 лица множественного числа *De Vy* и его формы *Deres* и *Dem*» [Там же: 24].

Забегая вперёд, отметим, что во времена написания этой грамматики местоимение *I*, хоть и существовало в качестве местоимения 2 лица множественного числа, однако в роли вежливой формы уже не использовалось.

Обратимся к «Грамматике норвежского риксмола» 1921 г. д-ра Эуг. Вестерна. Необходимо пояснить, что, в соответствии с приложением к норвежско-русскому словарю под редакцией В. П. Беркова, риксмолом (буквально переводится как «государственный язык») называется датско-норвежский язык, «на котором писали Ибсен, Бьёрнсон и другие выдающиеся писатели XIX в.» [Берков 2010 Т. 2.: 1553]. Автор включает в таблицу местоимений *I* и *De*, а также их объектные формы *eder* и *Dem* соответственно, помещая их при этом в графу форм 2 лица множественного числа.

Относительно использования упомянутых местоимений д-р Эуг. Вестерн пишет довольно подробно. В частности, в его труде говорится, что местоимение *I* и его форма *eder* «существуют теперь исключительно в качестве литературных и употребляются только в возвышенных речах, а в разговорном языке совсем не используются» [Western 1921: 434]. Что касается употребления в качестве объектной формы не *eder*, а *jeg*, такое явление встречается ещё реже.

Д-р Эуг. Вестерн пишет, что в качестве вежливого обращения к одному человеку или к нескольким людям в норвежском теперь используется местоимение *De* и приводит в качестве аналога немецкое местоимение *Sie*. Если отношения между говорящими более близкие, то в случае, если человек обращается к нескольким людям, употребляется местоимение *dere*. Однако, как

пишет автор, если местоимение *dere* и его объектная форма *dere* стоят в предложении рядом друг с другом, то лучше использовать в качестве субъекта местоимение *De*, оставляя, тем не менее, в качестве объекта форму *dere*. Д-р Эуг. Вестерн также отмечает, что употребление местоимения *dere* в обращении к единичному собеседнику расценивается в качестве вульгарного.

Автор пишет, что в ситуации крайне вежливого обращения используется титул собеседника. Вновь забегаая вперёд, отметим, что это явление упоминается и в грамматике 1967 года, написанной Б. Берульфсеном, где такого рода обращение характеризуется как очень официальное.

В труде д-ра Эуг. Вестерна говорится также о том, что форма *Dem* может употребляться и вместо возвратного местоимения *seg*, и приводится пример из произведения Б. Ли «Редкое явление» 1903 года издания (курсив в примере принадлежит автору грамматики): *Frøkenen har oppholdt Dem her i længre tid?*
Фрёкен находится здесь уже долго?

Трюгве Кнудсен в труде «Местоимения» 1949 года формам вежливого обращения в норвежском языке уделяет значительное место. Он пишет, в частности, об истории употребления этих форм, что и будет изложено далее.

В древности норвежцы, подобно древним римлянам, обращались ко всем на *ты*, то есть употребляли местоимение *du*. Такое обращение использовалось в том числе в отношении правителя и других высокопоставленных лиц. В период поздней Римской империи римляне начинают употреблять в обращении к высокопоставленным лицам местоимение второго лица множественного числа. Этот обычай переняли и германские народы. В Норвегии подтверждение тому можно найти в «Королевском зеркале» (норвежском педагогико-философском труде, написанном в XIII в.) [<https://snl.no/Kongespeilet>], где говорится о том, что при обращении к королю надо использовать форму множественного числа.

Как следует из работы Т. Кнудсена, местоимения множественного числа в качестве вежливого обращения используются и в современном для него периоде времени. В частности, во многих диалектах сохранилось употребление местоимений *de* и *I* в речи детей, когда те обращаются к родителям, а также к пожилым и уважаемым людям; в бергенском диалекте встречается

использование местоимений I, jerr, jeres (jeres) в отношении незнакомых людей. В целом местоимение I при обращении к одному человеку используется практически только в случае с умышленно архаизированным стилем, например, в исторических романах.

Вернёмся к истории. В XVIII веке позиции местоимения I как вежливого местоимения в датском государственном языке (использовавшемся в тот период и в Норвегии) сильно пошатнулись в связи с влиянием употребления в этой роли местоимения 3 лица множественного числа De, на немецкий манер. Однако до того момента, когда местоимение De стало вытеснять I, у последнего существовали и другие конкуренты. Речь идёт о местоимениях третьего лица единственного числа han и hun, использовавшихся и в качестве форм вежливого обращения; в этом случае можно тоже говорить о немецком влиянии. В течение XVIII века использование этих местоимений в качестве форм вежливого обращения утратило авторитет. Сейчас в букмоле, как пишет Т. Кнудсен, эти формы вообще едва используются в качестве вежливых.

Т. Кнудсен отмечает, что в основе многих форм обращения к незнакомым людям лежат различные представления о вежливости. В употреблении таких форм прослеживается стремление избежать излишней прямоты. Используя местоимение I, говорящий словно обращался к нескольким людям. Употребление местоимений han и hun тоже не позволяло переступить границу, говорящий в этом случае словно лишь упоминал адресата. Местоимение De, в свою очередь, представляет собой смесь обоих этих представлений о вежливости.

Помимо упомянутых местоимений, в качестве вежливого обращения в норвежском языке можно выделить название по должности. Особое распространение это явление получило в XVII веке. Примерами такого рода обращения могут служить *Deres Majestet* *ваше величество*, *Deres Kongelige Nøyhet* *ваше королевское высочество*⁵ и т. д.

⁵ Примеры принадлежат Т. Кнудсену.

Обратимся к труду Улава Неса «Норвежская грамматика» 1952 года. Любопытно отметить, что эта книга написана в период после языковой реформы 1938 г., в соответствии с которой должно было произойти сближение обеих языковых форм в норвежском языке, букмола и новонорвежского. Автор пишет: «В своём собственном языке я произвёл кое-какие скромные эксперименты по сближению обеих языковых форм. В частности, некоторые слова употреблены с дифтонгом, хотя это покажется не совсем естественным тому, для кого родным является диалект, почти полностью утративший дифтонги» [Næs 1952: 5]. В таблице личных местоимений вежливые формы букмола не представлены, однако автор пишет о них отдельно две строчки, в переводе звучащие следующим образом: «Использование местоимений 3 лица множественного числа в качестве вежливого обращения к одному человеку или ко многим: De, Dem, Deres, пришло в букмол из датского языка, где это явление, в свою очередь, возникло по аналогии с немецким языком» [Там же: 204].

Б. Берульфсен в книге «Норвежская грамматика» 1967 года издания отмечает, что местоимение *du* и его косвенная форма *deg* используются в четырёх случаях: во-первых, в качестве неформального обращения к члену семьи, другу, товарищу, в обращении взрослого к ребёнку, а также в ситуации общения между учителями и учениками в школе; во-вторых, в обращении к Богу; в-третьих, в риторическом и персонифицирующем обращении; в-четвёртых, когда это местоимение носит обобщающий характер.

Далее в книге говорится, что использование местоимения множественного числа в качестве вежливого обращения, о чём говорится ещё в «Королевском зеркале», пришло в норвежский из латыни. В древненорвежском подобным образом использовалось местоимение второго лица множественного числа, от которого и произошло норвежское местоимение второго лица множественного числа *dere*, а также вежливое *Dere* в обращении к одному человеку. Вежливая форма *Dere*, однако, не считается общепринятой. В норвежском встречается также пришедшее из датского вежливое местоимение I с объектной формой *eder* (*Eder*), впоследствии - *jer*. Как пишет Б. Берульфсен, в

архаизированном стиле формы I - *eder* используются до сих пор, например в произведениях С. Ундсет.

Также в норвежском, как уже говорилось выше, встречается использование, по немецкому образцу, местоимений 3 лица единственного числа *han, hun* в качестве вежливого обращения, что можно обнаружить, в частности, в произведениях Л. Хольберга. Уже в XVIII в. такое употребление этих местоимений утратило популярность; в текстах XIX в. оно встречается редко. В наше время использование местоимений 3 лица единственного числа *han, hun* в качестве вежливого обращения свидетельствовало бы о неуважении к слушающему.

Вежливое *De* возникло в норвежском приблизительно в 1700 г. по аналогии с немецким *Sie*. Постепенно оно стало вытеснять местоимение *I*. Вежливая форма *De* встречается, например, в произведениях Хольберга. На сегодняшний день в букмоле это единственное местоимение, используемое в качестве вежливого обращения. Важно отметить тот факт, что прежде местоимение *De* (именно вежливое) и его объектная форма *Dem* употреблялись не только при обращении к одному человеку, но и по отношению к нескольким людям, подтверждение чему можно найти в произведении Ибсена «*Samfundets støtter*». Сейчас, как правило, при обращении к нескольким людям оно не употребляется вовсе.

В грамматике 1979 г. («Норвежская грамматика. Элементарные структуры и синтаксис») вышеупомянутый Улав Нес вежливые формы в таблицу местоимений букмола вновь не включает, однако им посвящён отдельный пункт в следующем параграфе. Там У. Нес пишет о вежливом обращении не только в норвежском, но и в других языках. Так, автор отмечает, что в древнегреческом языке классического периода и в латыни на «ты» обращались «и к царю, и к рабу» [Næs 1979: 343]. В эпоху поздней античности к лицам, занимающим важное положение в обществе, стали обращаться на «Вы». Это явление как нельзя характерно и для Средневековья. Что касается норвежских диалектов, в них сохранились старые традиции употребления местоимения *du*, однако в

трэнделагском диалекте при обращении к родителям и пожилым используется вежливая форма De.

У. Нес пишет, что существует три варианта вежливых форм. Во-первых, использование местоимения 3-го лица единственного числа, что встречается в итальянском, в произведениях Л. Хольберга, а также в ситуациях, когда в обращении используется титул или имя. Местоимение 3-го лица единственного числа в качестве вежливого обращения занимало менее крепкие позиции, чем местоимение De. Оно использовалось по отношению к подчинённым и людям младшего возраста. Сейчас, согласно У. Несу, оно вышло из употребления.

Во-вторых, употребление местоимения 2-го лица множественного числа, как в древнедатском (I, Eder, Eders) и в новонорвежском (De, Dykk, Dykkar).

В-третьих, использование местоимения 3-го лица множественного числа, что представляет собой относительно недавнее явление в немецком и датском. Именно из датского оно и перекочевало в риксмол (De, Dem, Deres).

В книге Ф.-Э. Винье (F.-E. Vinje) *Moderne norsk «Современный норвежский язык»*, изданной в **1988** году, о местоимении De сказано следующее. Традиционно местоимение De используется в букмоле в качестве вежливого обращения и в единственном числе, и во множественном, пример чему можно найти в речи стюардесс после посадки самолёта: *Mine damer og herrer! Vi ber **Dem** bli sittende fastspent til begge motorene er stanset <...> Уважаемые дамы и господа! Просим **вас** не отстёгивать ремни безопасности до полной остановки самолёта* [Vinje 1988: 93].

Однако представителям молодого поколения, как отмечает Ф.-Э. Винье, употребление местоимения De в качестве вежливого обращения во множественном числе кажется чуждым. Это явление уходит в прошлое. В современном норвежском, пишет Ф.-Э. Винье, нет местоимения, которое бы употреблялось в качестве вежливого обращения во множественном числе.

Обратимся теперь к трудам, изданным в XXI веке. В книге «Språkvett...» *О языке...* **2004** года пишет о том, что использование вежливого De вместо du теперь является скорее исключением. «Молодёжь эту форму почти вовсе не использует, и даже пожилые люди в значительной степени стали обращаться

друг к другу на *ты*» [Språkvett 2004: 273]. Однако, как пишет далее автор, «употребление вежливого De по-прежнему считается совершенно приемлемым, а в редких случаях использование этой формы может быть даже уместным: вероятно, преимущественно тогда, когда человек сам хочет обозначить некую дистанцию или же считает, что именно такое обращение предпочитает собеседник» [Там же: 273]. В таблицу местоимений у Д. Гундерсена вежливое De не включено.

В «Норвежской морфологии» С. Ли **2011** года издания вежливые формы в таблицу местоимений букмола не включены. Ниже автор пишет, что в качестве вежливого обращения используется местоимение De, отмечая, что она используется редко и только в обращении к одному человеку. [подробнее см. об этом Lie 2011: 75]

Приемлемость употребления вежливого De отмечена и в книге «Норвежская грамматика...» Й. Э. Хагена **2012** года издания: автор пишет о том, что это местоимение можно употреблять по отношению к незнакомым людям как проявление исключительной вежливости. Далее Й. Э. Хаген говорит о той же тенденции, что и Д. Гундерсен: «Молодые люди, однако, почти не употребляют De/Dem, и эти формы используются в наши дни всё реже и реже» [Hagen 2012: 179]. В таблицу местоимений автор книги местоимение De включает, относя его к местоимениям 2 лица.

В книге Norsk grammatikk: Riksmål og moderat bokmål **2015** года издания в таблице местоимений уважительное De не представлено, но о формах вежливого обращения говорится отдельно. «Выбор между du и De связан не с грамматикой, а с обычаями в обществе, развитие которых в течение последних десяти лет отнюдь не способствовало сохранению упомянутого разделения». Согласно книге, обращение du используется:

- 1) в политической сфере;
- 2) на работе;
- 3) в государственных учреждениях, в магазине, в больнице;

4) на радио и телевидении.

Автор книги считает возведение местоимения *du* в ранг общепринятого обращения обязательным следствием демократизации общества, стирания социальных различий. Он с сожалением пишет, что сейчас обращение *du* уже не маркирует той близости, интимности, какую оно сообщало на фоне «более нейтрального и безликого *De*» [Askedal 2015: 98]. Таким образом, современное *du* в норвежском не равноценно тому *du*, которое употреблялось во времена чёткого разделения между *du* и *De*.

В книге Хелене Ури (Helene Uri) «*Godt språk*» (досл. *Хороший язык*), изданной в 2016 году, содержатся вопросы о нормах грамотной речи и ответы на них. В рамках данной работы актуален вопрос о том, не должно ли в данном предложении стоять *Deres*: *Forsikringen gjelder ikke deres firma* *Страховка не распространяется на вашу фирму* [Uri 2016: 55].

Автор книги отвечает исходя из того, что предложение используется в ситуации прямого письменного обращения, и объясняет, что в таком случае верны оба варианта: и *deres*, *Deres*. Обращение *deres* следует выбрать, если данное предложение адресовано нескольким людям. Если же пишущий обращается к отдельному человеку, то правильным будет написание местоимения с прописной буквы. В случае обращения к организации, которая рассматривается в качестве группы людей, допускается использование обоих вариантов. Употребление *Deres* является показателем особенной вежливости. Также оно, как отмечает Х. Ури, может служить выразителем дистанции. Автор книги советует выбирать вариант *Deres* в том случае, если адресат предпочитает, когда в обращении к нему употребляют местоимение *De*.

Книга издана в 2016 году, но тот факт, что в неё включили подобный вопрос, не говоря уже о содержании ответа, говорит о том, что вежливая форма *De* в Норвегии отнюдь не забыта.

Много информации об использовании местоимений в качестве обращения в единственном числе содержится в статье «*Intimiserings og brutalisering*» Э.

Лундебю (E. Lundeby), опубликованной в декабре **1995** года в датском лингвистическом журнале «Mål & Mæle». В статье рассматриваются новые тенденции в норвежском словоупотреблении на протяжении пятидесяти лет, предшествовавших написанию этой статьи.

Значительную часть статьи Э. Лундебю посвящает такому явлению, как «интимизация» (норвежский термин – *intimiserings*, заимствован автором статьи у шведского профессора-языковеда У. Телемана (U. Telemann)), которая наиболее ярко проявилась в особенностях использования обращения к собеседнику.

Приблизительно до 1970 года существовало чёткое разделение обращений: местоимение *du* употреблялось в отношении близких (родственников, друзей, коллег), форма *De* – для обращения к незнакомым людям и вышестоящим. Вышесказанное относилось и к диалектам, но далеко не ко всем.

Примерно с 1970 года всё резко изменилось: «*du* добилось статуса единственной формы обращения и почти полностью вытеснило *De*» [Lundeby 1995: 10]. Норвежский лингвист пишет: «Форма *De* почти совершенно незнакома сегодняшнему молодому поколению, а пожилые уже давным-давно перестали удивляться, что все кто угодно и при всевозможных обстоятельствах обращаются к ним на *du*: в банках, на предприятиях, на почте и т. д...» [Там же: 10].

Э. Лундебю удивляется тому, с какой скоростью произошли эти изменения: всего за какое-то десятилетие, и это при всём при том, что обычай употребления вежливого обращения появился в Норвегии по меньшей мере восемь веков назад.

Как уже говорилось, в Швеции всеобщий переход на *du* начался раньше, чем в Норвегии, и это необходимо учитывать при попытках выяснить причины, по которым упомянутый процесс проходил в Норвегии так гладко – ведь норвежцы много в чём последовали примеру шведов, пишет Э. Лундебю.

Однако имели место и другие предпосылки, как то:

- 1) употребление во многих диалектах местоимения *du* как единственной формы обращения в единственном числе (среди местоимений);

- 2) радикализм 1968 года;
- 3) коренные изменения в норвежском образе жизни, а также в поведении. Ушло или снизилось прежнее уважение к традициям, к пожилому поколению, изменился взгляд на мораль;
- 4) предыдущий пункт очень тесно связан с тем фактом, что на норвежскую молодёжь в значительной мере повлияли американские фильмы, получившие в Норвегии большое распространение; и здесь немаловажно подчеркнуть, что в английском, как известно, используется лишь одно местоимение для обращения в единственном числе: you.

В Норвегии по-разному оценивают переход на *du*. Одним нравится, что общение с новыми людьми быстрее переходит на дружескую стадию.

Других печалит тот факт, что норвежский язык утратил ценный способ обозначить дистанцию с помощью *De*. И хотя использование *De* в речи допустимо, встречается оно всё реже, и в связи с этим местоимение *De* теперь выражает большую дистанцию, чем раньше, «настолько большую, что использование этой формы кажется чуть ли не оскорбительным!» [Там же: 12].

О местоимении *du* также говорится в заметке из норвежской газеты «Aftenposten»⁶: «В норвежском форма *du* заняла чрезвычайно прочное место. Даже к королю позволительно обращаться на *du*, когда это уместно». Далее в статье говорится, что в случае с немецким и французским дело обстоит по-другому: использование местоимения *du* (нем. *ты*) / *tu* (фр. *ты*) в качестве обращения к незнакомому человеку считается в соответствующих странах невежливым. Такой комментарий автора статьи явственно говорит о том, что в Норвегии подобное употребление местоимения *du* невежливым отнюдь не считается.

⁶ Заметка была напечатана в номере газеты «Aftenposten», вышедшем 31.03.2012.

Посмотрим теперь, что пишут об обращении на *du* люди, переехавшие в Норвегию из других стран. Т. Сениор (T. Senior) с Ямайки: «Те первые годы, когда я сгорала от стыда, крича милым пожилым дамам в булочной «Du!», если мне была нужна ещё одна булочка с корицей, остались позади. Я склонна истолковывать этот обычай обращаться на *du* как важное и эффективное средство сохранить общество, которое верит в равноценность всех людей» [Senior 2005: 50].

О. Комарова из России, на момент написания статьи прожившая в Норвегии более 10 лет, пишет, что до сих пор не может привыкнуть к тому, что студенты или более молодые коллеги используют в обращении к ней местоимение *du*. Она замечает: «Когда мои норвежские студенты начинают переводить устно последовательно для русских, приходится напоминать им о том, что в русском надо использовать обращение на «Вы», хотя говорящий по-норвежски и употребляет *du* в отношении своего российского коллеги» [Komarova 2005: 215].

Željka Švrljuga из Хорватии пишет, насколько была поражена, впервые услышав, как посетители ресторана обращаются на *du* к официанту. Согласно статье, вскоре она узнала, что форма *du* является в норвежском языке общепринятой, тогда как «местоимение *De* создаёт дистанцию и демонстрирует классовые различия» [Švrljuga 2005: 251].

В целом можно сказать, что на употребление местоимений в качестве обращения в единственном числе в Норвегии очень сильно повлияло развитие общества.

Хотелось бы также затронуть ещё один важный с точки зрения обращений вопрос: а как в Норвегии обращаются к **членам королевской семьи**?

Опираясь на книгу *Norsk grammatikk: Riksmål og moderat bokmål* и статью из *Aftenposten*, можно сказать следующее. К королю и королеве следует обращаться *Deres Majestet* Ваше Величество, к остальным членам королевской семьи – *Deres Kongelige Nøyhet* Ваше Королевское высочество. Также может использоваться обращение в третьем лице, например: *Hva synes **dronningen** om*

The Dinner Party? *Что думает королева о «Званом ужине»?* [<http://www.aftenposten.no/kultur/Dronning-Sonja-til-Aftenposten---Jeg-er-en-feminist-118672b.html>].

Итак, сравнивая местоимения в норвежском языке с местоимениями в языках, рассмотренных в п. 1.4), можно обратить внимание на следующие особенности:

- 1) в отличие от английского, в норвежском языке в обращении к одному человеку закрепило свои позиции использование местоимения более низкого стиля, а не высокого;
- 2) в отличие от немецкого и французского языков, в норвежском сейчас практически не используется уважительная форма;
- 3) в отличие от японского языка, в норвежском значительно меньшее число местоимений 2-го лица.

Рассмотрев местоимения, употребляющиеся в качестве обращения в единственном числе в трёх скандинавских языках, можно сказать следующее:

- 1) История использования местоимений в качестве обращения в единственном числе в Швеции, Дании и Норвегии очень схожа, например: в древности и норвежцы, и датчане, и шведы обращались к людям только на «ты». Особенно у норвежского в плане обращений очень много сходств с датским, что неудивительно, учитывая историю этих стран в целом.
- 2) Важное отличие состоит в том, что в шведском уважительное обращение совпадает по форме со 2-ым лицом множественного числа, а не 3-го лица множественного числа, как в норвежском.
- 3) На протяжении длительного периода в Норвегии использовался датский язык, что было обусловлено политической ситуацией. Напомним, что в 1380 году была заключена Кальмарская уния, согласно которой Дания, Швеция и Норвегия должны были

находиться под властью датского короля. Лишь в 1814 году Норвегии удалось обрести независимость от Дании.

- 4) Местоимения *De* и *ni* не равноценны по набору выражаемых ими прагматических значений⁷.

1.3.2 Личные местоимения, использующиеся при обращении к одному лицу, в русском языке

В русском языке во 2-ом лице единственном числе существует оппозиция местоимений *ты/вы*. Посмотрим, что пишут об этих местоимениях в словарях.

Начнём с местоимения «**ТЫ**», так как именно обращение к одному человеку на «ты» «является исконно русским и в этом смысле традиционным» [<http://new.gramota.ru/spravka/letters?id=51>]. «Так говорили с близкими и чужаками, с ровесниками и со старшими, не церемонились и с начальниками: тыкали уважаемым и почитаемым» [<http://new.gramota.ru/spravka/letters?id=51>].

В Малом академическом словаре о местоимении «ты» говорится следующее:

«**ТЫ**, тебя́, тебе́, тебя́, тобо́й и тобо́ю, о тебе́, *мест. личн. 2 л. ед. ч.*

1. Употребляется при обращении к одному лицу (обычно близкому, а также в грубоватом, фамильярном обращении). <...> | В обращении к животному. <...> | В торжественных, риторических обращениях. <...>

2. *Разг.* В неопределенно-личных предложениях и предложениях с обобщенным значением употребляется для обозначения человека вообще. <...>.

3. *дат. п. тебе́ в знач. частицы. Разг.* Употребляется для выражения угрозы или досады, разочарования. <...> || Употребляется для усиления в отрицательных предложениях или в предложениях, имеющих противопоставление. <...>

4. *им. п. ты в знач. частицы. Разг.* В сочетании с междометиями употребляется для усиления выражаемого ими значения. <...>»

⁷ Прагматика – «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [<http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>].

[<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>]

В «Словаре русского речевого этикета» местоимение «ты» характеризуется как «широкоупотр. форма обращения к родственнику, другу, приятелю, близкому знакомому, а также обращение взрослых к незнакомому ребёнку, подростку» [Балакай 2001: 527].

Это обращение, как уже говорилось, считается исконно русским, до XVIII в. оно было единственным, а значит, стилистически нейтральным вне зависимости от ситуации. В петровскую и послепетровскую эпоху, как уже говорилось, в русский язык пришло вежливое обращение на «вы», употреблявшееся по отношению к одному лицу, высшему или равному по положению.

В ситуациях, когда употребляются формы «ты» и «вы», обращение на «ты» обычно используется, если:

- 1) говорящий обращается к «родственникам, знакомым, друзьям в обиходно-бытовых ситуациях» [Там же: 528] (помечено как разговорное);
- 2) взрослый человек обращается к незнакомому ребёнку, подростку;
- 3) устаревшее/устаревающее: высший по положению обращается к низшему (помечено как разговорное);
- 4) устаревшее/устаревающее: в торжественных обращениях, адресованных высшему по положению (помечено также как стилистически возвышенное и риторическое).

О местоимении «**вы**» находим следующее:

«**ВЫ**, вас, вам, вас, *ва́ми*, о вас, *мест. личн. 2 л. мн. ч.* Употребляется при обращении к нескольким или многим лицам, а также как форма вежливого обращения к одному лицу» [<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>].

Сведения как об истории, так и функции русского местоимения «вы» можно найти в «Словаре русского речевого этикета», где оно охарактеризовано

как «широкоупотр. форма вежливого обращения к одному лицу» [Балакай 2001: 92].

«Употребление вы по отношению к одному лицу высокого положения (господину, князю) встречается уже в памятниках русской письменности XI–XVI веков, что связано, вероятно, с влиянием византийской речевой традиции. Однако распространение в качестве почтительного, вежливого, обращения вы (Вы) получило в Петровскую и особенно – в послепетровскую эпоху под влиянием западноевропейского, в частности немецкого и французского, речевого этикета. <...> В XIX веке обращение на Вы стало нормативным в светской речевой учтивости, прежде всего по отношению к лицам привилегированных сословий» [Там же: 92].

После революции 1917 года произошло заметное сужение сферы употребления обращения на «Вы» как «недостаточно демократичного» [Балакай 2001: 93]. Упомянутое обращение уступило место «разговорно-просторечному обращению на «ты» [Там же: 93].

Обращение на «Вы» обладает большим числом стилистических оттенков. В качестве вежливого обращения оно используется по отношению:

а) К незнакомому или малознакомому человеку. <...>

б) К юридическому лицу в офиц.-деловой переписке. <...>

в) К знакомому в официальной, служебной обстановке в присутствии других лиц. <...>

г) К старшему по возрасту, положению в неофиц. обстановке. <...>

д) К равному по возрасту, положению (близкому знакомому, коллеге, другу, приятелю) в неофиц. обстановке. <...>

е) К человеку, с которым ранее были на «ты». Переход с обычного «Вы» на «ты» имеет разные причины и, соответственно, разные оттенки значений». [Там же: 93-94]

Т. М. Николаева пишет: «Максимальное расширение социального пространства порождает дистанцированное отношение к Другому...» [Николаева 2013: 102]. В этой связи она высказывает предположение о неслучайности появления в русском языке вежливого

обращения на «Вы» именно в эпоху Петра I. Далее в статье говорится, что «расширение геопространства отражается иконическим образом в дистанцированности речевой системы обращения» [Там же: 102].

Хотелось бы также кратко охарактеризовать то необычное положение, которое занимает в системе местоимений русского языка «вы» в роли местоимения 2-го лица единственного числа.

Об этих особенностях пишет А. Д. Шмелёв в книге «Русский язык и внеязыковая действительность», в разделе, посвящённом транспозиции личных местоимений. Здесь необходимо пояснить, что транспозиция - это «использование одной языковой формы в функции другой формы» [<http://tapemark.narod.ru/les/519a.html> - 08.10.16]. А. Д. Шмелёв обращает внимание на то, что глаголы и краткие прилагательные с «вежливым» «вы» должны употребляться в форме множественного числа, тогда как существительные и полные прилагательные - в форме единственного числа; местоимение *сам* в именительном падеже должно стоять во множественном числе, а в косвенных падежах - в единственном. Автор пишет, что «...здесь действуют специальные правила выбора форм, согласующихся с «вежливым» *вы*, тем самым вводя особое местоимение – «вежливое» *вы* – в местоименную систему русского языка. Это местоимение характеризуется особым языковым поведением, в частности - особыми синтаксическими свойствами, отличными от «обычного», «множественного» *вы*. Поэтому его нельзя рассматривать просто как результат транспозиции «обычного» *вы*» [Шмелёв 2002: 170].

Необходимо также упомянуть такой момент, как *написание* местоимения «вы», употреблённого в качестве обращения в единственном числе. Согласно общей рекомендации, содержащейся на сайте new.gramota.ru, «местоимения *Вы* и *Ваш* пишутся с прописной (большой) буквы как форма вежливого обращения к **одному** лицу. При обращении к нескольким лицам следует писать *вы* и *ваши* со строчной буквы» [<http://new.gramota.ru/spravka/letters?id=51>].

Однако далее на сайте мы находим раздел «Вопросы «Справочному бюро», где в качестве ответа на вопрос о допустимости написания *вы*, *ваши* со строчной буквы при обращении к одному человеку, написано следующее:

«Употребление местоимения *вы* вместо *ты* при обращении к одному лицу само по себе уже представляет проявление уважительного отношения к этому лицу. Окончательное решение о написании *Вы* с прописной (для подчёркивания этого уважительного отношения) принимает автор текста» [Там же].

В справочнике под редакцией В. В. Лопатина находим чёткие правила: «С прописной буквы пишутся местоимения *Вы, Ваш* как форма выражения вежливости при обращении к одному конкретному лицу в письмах, официальных документах и т. п., напр.: *Поздравляем Вас..., Сообщаем Вам...; в ответ на Ваш запрос...*

Так же пишутся слова *Вы* и *Ваш* в текстах, предназначенных для многократного использования, типа анкет, рекламы, листовок» [https://orfogrammka.ru/правила_русской_орфографии_и_пунктуации_лопатин/правила_употребления_прописных_и_строчных_букв/].

Пользователи интернета относятся к написанию местоимения «вы» с прописной буквы по-разному, о чём говорится в статье Е. Н. Геккиной «Тыканье, выканье и прописные буквы в метаязыковом диалоге». «**Сторонников большой буквы** объединяет единственная и универсальная предпосылка: *так писать принято в обществе цивилизованных воспитанных людей, и в школах так и учат*» [Геккина 2014: 224], пишет автор.

Что касается противников большой буквы, они считают, что употребления самих местоимений «ты» и «вы» и так достаточно в настоящих условиях. Обсуждая причины и цели использования местоимения «вы» с большой буквы, представители только что упомянутой категории могут характеризовать намерения пишущих как лесть, а «собственно графическую практику – как *изыски бюрократизма*» [Там же: 226].

Рассмотрим подробнее употребление местоимений 2-го лица в качестве обращения к одному лицу в русском языке с позиции правил вежливости.

В книге «Языковая картина мира и системная лексикография» под редакцией Ю. Д. Апресяна, в части «Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика», имеется раздел, посвящённый так называемой позитивной уважительности [Крылова 2006: 333-343], в рамках

которой рассматриваются правила значимости и статусные правила. Поскольку статусные правила содержат в себе требование обращаться к другому человеку на «вы», они и будут нас интересовать в этом разделе.

Основных функций у «вы»-форм две: во-первых, их использование говорит о том, что между участниками общения существует большая горизонтальная дистанция; во-вторых, их употребление свидетельствует о наличии вертикальной (другими словами, статусной) дистанции, указывая на высокий возрастной или социальный статус собеседника. Как отмечено в упомянутой работе, «вы-формы одновременно принадлежат как к сфере негативной вежливости (в качестве знака дистанции), так и к сфере позитивной вежливости (в качестве знака статуса)» [Там же: 340].

Если говорящий обращается на «вы» к собеседнику, занимающему более высокое положение на социальной лестнице, то главной в этой ситуации оказывается статусная функция «вы»-форм, несмотря на то, что в этом случае «вы»-формы указывают и на горизонтальную дистанцию. Здесь мы имеем дело с «реальной оценкой статуса партнёра».

Если же мы сталкиваемся с ситуацией, когда говорящий обращается к человеку, занимающему такое же положение на социальной лестнице или имеющему более низкий социальный статус, то главной оказывается функция указания на наличие горизонтальной дистанции. «При этом статусная функция сохраняется, однако в этом случае имеет место не реальная оценка статуса, а его априорная оценка: «вы»-формы служат знаком того, что статус партнёра, пусть незначительно, но выше нормы» [Там же: 340].

Насколько обязательно использование «вы»-форм?

Употребление «вы»-форм обязательно в том случае, если мы имеем дело с негативной уважительностью, то есть когда обращение на «ты» рассматривалось бы как грубость.

В рамках позитивной уважительности, напротив, употребление «вы»-форм, с позиции правил вежливости, скорее необязательно. Ведь если говорящий использует в общении с человеком, занимающим более высокое социальное положение, «ты»-формы, то более естественным будет назвать его

не невежливым, а невоспитанным или неотёсанным, пишут в упомянутой работе.

В том случае, если участники общения занимают равное социальное положение или статус говорящего выше, чем у его собеседника, обращение на *ты* тоже сложно расценить как невежливость. Такое поведение можно скорее назвать фамильярным или бесцеремонным. «Это может объясняться тем, что в ситуации равенства статусов или при преимуществе говорящего оппозиция *ты / вы* обслуживает в первую очередь противопоставление «персональная / социальная дистанция», а маркирование горизонтальной дистанции, как и всё, что связано со стратегиями отдаления, является для русских наивных представлений о вежливости второстепенным и необязательным» [Там же: 341].

В ситуации же, когда человек пожилого возраста обращается к молодому, обращение на *ты* можно и вовсе интерпретировать как норму, вне зависимости от того, насколько близки отношения между собеседниками.

Поскольку мы говорили о том, что одна из функций *вы*-форм заключается в том, чтобы служить маркером горизонтальной дистанции, нельзя не привести в качестве примера известное стихотворение А. С. Пушкина «Ты и вы»:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюблённой возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с неё нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

1.4 Место норвежского и русского языков в аспекте соответствия универсальным чертам семантики местоимений 2-го лица

Предлагалось различать в языках мира четыре системы форм местоимений 2-го лица [Соколовская 1980: 84-103]. Во-первых, возможен вариант, когда в языке есть лишь одна нейтральная форма, которая не различает

форм, приблизительно эквивалентных русским «ты» и «вы». Во-вторых, существует система с местоимением «ты» и местоимением, носящим нейтральный характер относительно числа, как, например, русский язык. Третью систему характеризует наличие трёх форм: «ты», «вы» и нейтральной формы. Наконец, в четвёртой системе присутствует две формы: «ты» и «вы», нейтральной нет.

Современный норвежский язык в данной работе не рассматривается, но именно в этом плане он может заинтересовать исследователей, потому как в норвежском за короткий с позиции языка временной период (с 1970-х годов по настоящее время) происходит переход от четвёртой системы к первой: уважительная форма *De* практически во всех сферах и функциях вытесняется местоимением *du*, которое приобретает нейтральный характер. Тем не менее, пока этот процесс полностью не завершился, в связи с чем есть вероятность того, что этого так и не случится.

Таким образом, русский и норвежский языки относятся с вышеописанной точки зрения к двум различным системам, что представляет собой сложность при переводе.

Выводы по главе 1

- 1) Терминология в отношении местоимений окончательно не устоялась;
- 2) Относительно частеречной принадлежности местоимений единого мнения среди лингвистов нет;
- 3) Несмотря на упомянутые сложности трактовки местоимений, в любом случае признаётся наличие у местоимений их основной особенности: семантического своеобразия;
- 4) Во всех рассмотренных языках есть местоимения, обозначающие адресата, они являются шифтерами;
- 5) Упомянутые языки, тем не менее, различаются системой выражения оттенков отношений между участниками коммуникации;
- 6) История использования местоимений в качестве обращения в единственном числе в Швеции, Дании и Норвегии очень схожа;

7) В отличие от русского языка, в норвежском сейчас уважительная форма практически не используется.

В связи с последним пунктом при переводе с русского языка на норвежский и с норвежского языка на русский могут возникать сложности. Вторая и третья главы будут посвящены рассмотрению того, как с этими сложностями справляются переводчики. Будут рассмотрены функции⁸ местоимений, используемых в качестве обращения в единственном числе в русском и норвежском языках, то есть местоимений «ты» и «Вы» в русском языке и местоимений du и De в норвежском языке. Будет обращено внимание на то, какие местоимения преобладают в каждом из данных языков в рамках определённых ситуаций общения и типов текстов.

Глава 2. Особенности перевода местоимения второго лица единственного числа с русского языка на норвежский язык

Как уже было сказано, система обращений в норвежском языке сильно менялась на протяжении истории. Рассмотрим примеры из художественной литературы.

2.1 Время действия в произведении - до 1970-х годов

Нами было найдено два перевода романа **Л. Н. Толстого «Анна Каренина»**, впервые опубликованного в 70-е годы XIX в.: Ник. Хенриксена (Nic. Henriksen) и Э. Эгеберга (E. Egeberg). Сравним переводы некоторых отрывков, в которых встречаются местоимения в качестве обращения к одному лицу, с текстом оригинала.

⁸ Функция – это «способность языковой формы к выполнению того или иного назначения (нередко синоним терминам «значение» и «назначение» языковой формы); зависимость или отношения между единицами языка, обнаруживаемые на всех уровнях его системы» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/146260/%D0%A4%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F>].

Рассмотрим отрывок из разговора князя Степана Аркадьича Облонского с камердинером Матвеем. Переводы представлены в хронологическом порядке: сначала – перевод Ник. Хенриксена, затем – Э. Эгеберга.

–«Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. Пускай делают, как им, **вам** то есть, угодно, – сказал он, смеясь только глазами, и, положив руки в карманы и склонив голову набок, уставился на барина.

Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

– А? Матвей? – сказал он, покачивая головой.

– Ничего, сударь, образуется, – сказал Матвей.

– Образуется?

– Так точно-с.

– **Ты** думаешь? Это кто там? – спросил Степан Аркадьич, услышав за дверью шум женского платья». [Толстой 2005: 31-32]

1) – Darja Aleksandrovna svarte at hun skal reise bort. **De** kan gjøre som **De** vil, sa hun, fortalte han med leende øyne, stakk hendene i vestlommene og så forventningsfullt på sin herre. Stepan Arkadjitsj tidde. Så smilte han godmodig og samtidig bedrøvet.

– Tja, Matvei? sa han og ristet på hodet.

– Det gjør ingenting, herre, alt ordner seg nok, sa Matvei.

– Tror **du** det?

– Visst gjør jeg det.

– Tror **du** det?... Hvem er det? spurte Stepan Arkadjitsj da han hørte det rasle i en kvinnekjole utenfor døren. [Tolstoj 1962: 9-10]

2) «Darja Aleksandrovna ba meg melde at hun reiste bort. La ham, altså **Dem**, bare gjøre som han finner det for godt», sa han med et smil i øyekroken, puttet hendene i lommen, la hodet på skakke og så på sin herre.

Stepan Arkadjitsj tiet. Så kom det et snilt og litt fattigslig smil over det vakre ansiktet hans.

«Nå? Matvej?» sa han og rystet på hodet.

«Ingen ting å bry seg om, det skikker seg nok,» sa Matveij.

«Skikker seg?»

«Akkurat.»

«Tror **du** det? – Hvem er det?» spurte Stepan Arkadjitsj, som hørte en kjole rasle bak døren. [Tolstoj 1996: 14]

Итак, мы видим, что русским местоимениям из текста оригинала соответствуют в обоих переводах аналогичные норвежские местоимения, то есть используется *du* тогда, когда Степан Аркадьич обращается к Матвею, и *De* – в обращении Матвея к барину. Это объясняется временем написания произведения (и временем действия в нём), ведь даже в норвежских художественных произведениях, написанных позднее, широко употребляется местоимение *De*. В качестве примера можно привести уже упомянутый роман

К. Гамсуна «Виктория», написанный в 1898 году. Отметим также, что в норвежском тексте местоимение *De* пишется с прописной буквы даже при отсутствии прямого обращения (в отличие от русского текста), столь часто встречающемся в художественных текстах.

Рассмотрим теперь сцену разговора Степана Аркадьича с Долли в четвёртой главе первой части, когда Долли нарочно обращается к мужу на *вы*, чтобы показать, насколько чужим он ей стал, а Степан Аркадьич, в свою очередь, упорно продолжает обращаться к жене на *ты*, что мы понимаем благодаря употреблению этим персонажем глаголов в форме единственного числа повелительного наклонения. Важно, что местоимения в качестве обращения к жене в речи Степана Аркадьича в данном отрывке отсутствуют:

– «Уйдите, уйдите отсюда! – закричала она еще пронзительнее, – и не говорите мне про **ваши** увлечения, про **ваши** мерзости!

Она хотела уйти, но пошатнулась и взялась за спинку стула, чтоб опереться. Лицо его расширилось, губы распухли, глаза налились слезами.

– Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Ради Бога, **подумай** о детях, они не виноваты. Я виноват, и **накажи** меня, вели мне искупить свою вину. Чем я могу, я все готов! Я виноват, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, **прости!**

Она села. Он слышал ее тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жалко ее. Она несколько раз хотела начать говорить, но не могла. Он ждал.

– **Ты** помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь, – сказала она, видимо, одну из фраз, которые она за эти три дня не раз говорила себе.

Она сказала ему «ты», и он с благодарностью взглянул на нее и тронулся, чтобы взять ее руку, но она с отвращением отстранилась от него.

– Я помню про детей и поэтому все в мире сделала бы, чтобы спасти их; но я сама не знаю, чем я спасу их: тем ли, что увезу от отца, или тем, что оставлю с развратным отцом, – да, с развратным отцом... Ну, **скажите**, после того... что было, разве возможно нам жить вместе? Разве это возможно? **Скажите** же, разве это возможно? – повторяла она, возвышая голос. – После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...

– Ну что ж... Ну что ж делать? – говорил он жалким голосом, сам не зная, что он говорит, и все ниже и ниже опуская голову.

– **Вы** мне гадки, отвратительны! – закричала она, горячась все более и более. – **Ваши** слезы – вода! **Вы** никогда не любили меня; в **вас** нет ни сердца, ни благородства! **Вы** мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой! – с болью и злобой произносила она это ужасное для себя слово *чужой*. [Толстой 2005: 38-39]

В обоих переводах на норвежский в речи Долли использовано местоимение *De* как показатель дистанции. Однако в норвежском языке, в отличие от русского, глаголы в форме повелительного наклонения не различаются по числам, в связи с чем в переводе Э. Эгеберга остаётся непонятным, обращается ли князь к жене на *вы* или на *ты*, ведь местоимение *du* ни разу не употреблено. Поэтому эффект, производимый сценой в оригинале, несколько теряется. Здесь также не совсем понятно, когда именно Долли, в какой-то момент сказавшая «ты», снова переходит на *вы*, что объясняется теми же грамматическими различиями между русским и норвежским языками:

«Ut, ut herfra!» skrek hun enda mer gjennomtrengende, «og kom ikke til meg med **Deres** adspredelser og nedrige påfunn!»

Hun ville gå, men vaklet og grep efter en stolrygg hun kunne støtte seg på. Hans ansikt videt seg ut, leppene svulmet, og øynene ble fylt av tårer.

«Dolly!» sa han; gråten sto ham allerede i halsen. «For Guds skyld, **tenk** på barna, de er da ikke skyldige. Det er jeg som er skyldig, **straff** meg, **si** meg hvordan jeg skal sone min skyld. Jeg vil gjøre alt som står i min makt! Jeg er skyldig, det finnes ikke ord for hvor skyldig jeg er! Å, Dolly, om forlatelse!»

Hun satte seg. Han kunne høre henne puste tungt og sterkt og syntes usigelig synd på henne. Flere ganger ville hun si noe, men greide det ikke. Han ventet.

«**Du** tenker på barna fordi **du** vil leke med dem, men jeg tenker på dem og vet at det er ute med dem nå,» sa hun; det var tydeligvis en av de setningene hun hadde gjentatt for seg selv i disse tre dagene.

Hun sa «du» til ham, og han så takknemlig på henne og gjorde en bevegelse for å gripe hånden hennes, men hun vek fra ham i avsky.

«Jeg tenker på barna, og derfor ville jeg gjøre alt som tenkes kan for å redde dem; men jeg vet ikke hvordan det skal skje: ved at jeg tar dem bort fra faren eller ved at jeg lar dem bli hos en fordervet far, ja, nettopp, hos en fordervet far... Nå, **fortell** meg så, efter det... som har vært, skal vi virkelig kunne leve sammen? Er det mulig, kanskje? Vær så snill og **fortell** meg, er det kanskje mulig?» gjentok hun og hevet stemmen. «Efter at min mann, mine barns far, har innledet et kjærlighetsforhold til sine egne barns guvernante...»

«Men hva skal jeg gjøre? Hva?» sa han med ynkelig stemme uten å vite hva det var han sa, og hodet sank stadig lenger ned.

«**De** er ekkel og motbydelig!» slynget hun ut, stadig hissigere. «Tårene **Deres** er tynne som vann! **De** har aldri elsket meg; **De** har hverken hjerte eller ære! **De** er nedrig, ekkel, fremmed, ja, helt fremmed for meg!» Hun uttalte dette ordet *fremmed*, som var så grusomt for henne selv, i smerte og vrede. [Tolstoj 1996: 21]

В переводе Ник. Хенриксена, в отличие от перевода Э. Эгеберга, местоимение *du* в обращении Степана Аркадьича к Долли используется,

благодаря чему удаётся лучше передать характер отношений между мужем и женой в упомянутой сцене. Цитата:

- Dolly! sa han snufsende. – For Guds skyld, tenk på barna, de er jo uskyldige. Jeg har syndet, og **du** kan straffe meg, la meg få sone min brøde.... jeg skal gjøre alt hva jeg kan! Jeg har jo sagt at jeg angrer dypt og og oppriktig. Dolly, **du** må tilgi meg. [Tolstoj 1962: 15-16]

Стоит отметить, что, когда в русском тексте Долли вновь переходит на *вы*, о чём свидетельствует употребление глагола в форме множественного числа повелительного наклонения, Ник. Хенриксен, тем не менее, продолжает использовать местоимение *du*. Местоимение *De* появляется лишь позднее. Сравним:

Она сказала ему «ты», и он с благодарностью взглянул на нее и тронулся, чтобы взять ее руку, но она с отвращением отстранилась от него.

– Я помню про детей и поэтому все в мире сделала бы, чтобы спасти их; но я сама не знаю, чем я спасу их: тем ли, что увезу от отца, или тем, что оставлю с развратным отцом, – да, с развратным отцом... Ну, **скажите**, после того... что было, разве возможно нам жить вместе? Разве это возможно? **Скажите** же, разве это возможно? – повторяла она, возвышая голос. – После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...

– Ну что ж... Ну что ж делать? – говорил он жалким голосом, сам не зная, что он говорит, и все ниже и ниже опуская голову.

– **Вы** мне гадки, отвратительны! – закричала она, горячась все более и более. – **Ваши** слезы – вода! **Вы** никогда не любили меня; в **вас** нет ни сердца, ни благородства! **Вы** мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой! – с болью и злобой произносила она это ужасное для себя слово *чужой*». [Толстой 2005: 39]

Hun hadde sagt «du» til ham, han så takknemlig på henne og ville ta hånden hennes, men hun trakk seg med avsky bort fra ham.

– Jeg har hele tiden tenkt på barna, fortsatte hun. – Jeg vil gjøre alt for å redde dem, men jeg vet ikke hvordan jeg skal gjøre det. Skal jeg ta dem bort, eller skal jeg la dem være sammen med sin fordervete far.... ja, fordervete far. Si meg, kan vi virkelig leve sammen etter alt dette? Er det mulig, tror **du**? Er det virkelig mulig? gjentok hun med høy stemme. – Etter at min mann, far til mine barn, har stått i forhold til mine barns guvernante?

– Men hva skal vi gjøre? Hva skal vi gjøre? sa han ydmykt.

– **De** er meg motbydelig, avskyelig! skrek hun plutselig opphisset. – Jeg orker ikke de krokodilletårene **Deres!** **De** har aldri elsket meg. **De** har hverken ære eller hjerte!

Hun så på ham og skrek hatefullt:

– **De** er meg motbydelig, **De** er helt fremmed for meg!

Men det gjorde henne vondt å di ordet «fremmed». [Tolstoj 1962: 16]

Итак, в рассмотренных отрывках наблюдается совпадение функций русских местоимений «ты» и «вы» и норвежских *du* и *De* соответственно:

- 1) В ситуации общения представителей **разных сословий** используется *du* тогда, когда представитель более высокого сословия обращается к представителю низшего сословия, и *De* – в обращении представителю низшего сословия к представителю более высокого сословия;
- 2) *Du* может выступать **показателем близкого, доверительного отношения**;
- 3) *De* может употребляться как **показатель дистанции**.

Перейдём к роману **Б. Акунина «Коронация, или Последний из романов»**, действие в котором разворачивается в 1896 году. Роман написан от лица дворцового служителя, сорокашестилетнего Афанасия Степановича. Рассмотрим следующий эпизод, показательный с точки зрения использования местоимений второго лица, а именно: разговор Афанасия Степановича с лейтенантом Эндлунгом, молодым наставником члена великокняжеской фамилии, его высочества Павла Георгиевича.

«В первый же день плавания на корвете «Мстислав», как только вышли из Севастополя, Эндлунг подстерёг меня на палубе, положил руку на плечо и сказал, глядя наглыми, совершенно прозрачными от выпитого при проводах вина глазами:

– Что, Афоня, лакейская душа, швабры **распустил**? Бризом разметало? <Мои бакенбарды от свежего морского ветра и в самом деле несколько растрепались – в дальнейшем мне пришлось на время путешествия их немного укоротить.> Не в службу, а в дружбу – **слетай** к сквальге-буфетчику, **скажи**, его высочество велел бутылочку рома прислать – чтоб не укачало.

Эндлунг меня ещё по дороге, пока ехали поездом до Севастополя, все дразнил и поддевал в присутствии его высочества, но я терпел, ждал случая объясниться наедине. Вот случай и представился.

Я деликатно, двумя пальцами, снял руку лейтенанта (в ту пору ещё никакого не камер-юнкера) со своего плеча и учтиво так говорю:

– Если **вам**, господин Эндлунг, пришла фантазия озаботиться дефиницией моей души, то точнее будет назвать её не «лакейской», а «гоф-фурьерской», ибо за долгую беспорочную службу при дворе его величества мне пожаловано звание гоф-фурьера. Чин этот относится к

9 классу и соответствует чину титулярного советника, армейского штабс-капитана или флотского лейтенанта (последнее я намеренно подчеркнул).

Эндлунг вскинулся:

– Лейтенанты за столом не прислуживают!

А я ему:

– Прислуживают, сударь, в ресторане, а августейшей семье служат. Всяк по-своему, согласно чести и долгу.

Вот после этого самого случая Эндлунг и стал со мной как шёлковый: говорил вежливо, шуток больше не позволял, а звал по имени-отчеству и только на «вы».

Надобно сказать, что у человека моего положения с обращением на «вы» и «ты» отношения особенные, потому что и статус у нас, дворцовых служителей, особенный. Трудно растолковать, как это получается, что от одних людей оскорбительно обращение на «ты», а от других обидно услышать «вы». Но служить я могу только этим последним, если **вы** понимаете, что я имею в виду.

Попробую объяснить. Обращение на «ты» я сношу только от августейших особ. Нет, не сношу, а почитаю за привилегию и особое отличие. Я был бы просто убит, если бы Георгий Александрович, её высочество или кто-нибудь из их детей, хоть бы и самых младших, вдруг сказал мне «вы». Третьего года у меня вышло разногласие с Екатериной Иоанновной по поводу одной горничной, которую несправедливо обвинили в легкомыслии. Я проявил твёрдость, настоял на своём, и великая княгиня, обидевшись, целую неделю мне «выкала». Я очень страдал, осунулся, по ночам не мог спать. Потом мы, конечно, объяснились. Екатерина Иоанновна с присущим ей великодушием признала свою неправоту, я тоже повинился и был допущен к руке, а она поцеловала меня в лоб». [<http://e-libra.ru/read/312035-koronatciya,-ili-poslednij-iz-romanov.html>]

Вначале мы видим со стороны обращающегося к собеседнику на «ты» Эндлунга (что проявляется в использовании им по отношению к собеседнику глаголов в форме единственного числа) фамильярное, уничижительное обращение к Афанасию Степановичу, он над ним откровенно насмехается. Полное отсутствие уважения – что называется, налицо.

Афанасий Степанович, тем не менее, отвечает ему нарочито учтиво и вежливо, обращаясь к Эндлунгу на «вы». Мы видим желание говорящего продемонстрировать самоуважение и чувство собственного достоинства, при этом в его словах отчётливо ощущается примесь иронии.

Таким образом, и насмешка может быть выражена по-разному, в зависимости от того, что представляет собой говорящий, от степени его воспитанности и самоуважения. Эндлунг выражает насмешку грубо, позволяя себе фамильярное обращение к человеку, который значительно старше него, что

выражается в том числе в употреблении им местоимения «ты». Насмешка Афанасия Степановича – более тонкая и завуалированная, её неотъемлемой составляющей является употребление говорящим местоимения «вы».

После данной беседы, как написано в романе, манера обращения Эндлунга с Афанасием Степановичем совершенно переменялась. На смену былой фамильярности пришли вежливость и уважительное отношение, что, в частности, нашло выражение в использовании им в обращении к Афанасию Степановичу местоимения «вы».

Далее Афанасий Степанович размышляет об обоих видах обращения к человеку «его положения». Он пишет, что со стороны «августейших особ» почитает обращение к себе на «ты» наиболее желательным, оно для него равноценно «привилегии и особому отличию». Герой истолковывает такое обращение как проявление доверительного, даже, пожалуй, родственного отношения. Так обращаются к близкому человеку, другу, употребление местоимения «вы» в таком контексте служит выражением определённого рода симпатии.

В том же абзаце Афанасий Степанович приводит в качестве контрастного примера обращение к нему «августейших особ» на «вы». Такое обращение является в данном случае показателем дистанции: человека словно исключают из круга приближённых, делают его как бы чужим, переводя из категории «своих» в категорию «многих».

В рассматриваемом отрывке встречается и «вы», употреблённое в качестве обращения к читателю. Впрочем, в этой функции в русском языке может использоваться и местоимение «ты», как, например, в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Кто б ни был **ты**, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с **тобой**
Расстаться нынче как приятель

[Пушкин 1957: 155].

Таким образом, в приведённом выше фрагменте романа представлено сразу несколько функций местоимений второго лица, употребляемых в

обращении к одному человеку. Местоимение «ты» может выражать как уничижительное отношение, так и, напротив, своего рода включение человека в круг «своих». Употребление местоимения «вы» может, в зависимости от ситуации, служить либо одним из средств передачи иронии, либо выразителем уважительного отношения, либо показателем дистанции. Также местоимение «вы» может использоваться как обращение к читателю.

Ознакомимся теперь, в рамках данного отрывка, с переводом романа Б. Акунина на норвежский, выполненном Д. Фолдøyем (D. Foldøy).

Alt på den første dag på sjøreisen med korvetten «Mstislav», vi hadde knapt rukket å kaste loss i Sevastopol, stanset Endlung meg på dekk, la hånden på skulderen min, så frekt på meg med øyne som var fordrukket gjennomslitt etter vinen på avskjedsfesten dagen før, og sa:

«Nå, Afonja, **din** lakeisjel, har **du** sluppet ut svaberne? Lar dem blafre litt i brisen, liksom?» (Bakkenbartene mine var faktisk blitt en smule rufsete i den friske sjøvinden – videre på reisen ble jeg nødt til å korte dem litt ned.) «Vær en knupp og løp ned til den slubberten av en kjøkkenmester og si at Hans Høyhet befaler en flaske rom – mot sjøsyke.»

Allerede tidligere på veien, mens vi reiste med tog til Sevastopol, hadde Endlung ertet meg uavlatelig og hatt meg til beste i Hans Høyhets nærvær, men jeg var tålmodig og ventet bare på en anledning til snakke ut med ham under fire øyne. Og nå var anledningen der.

Med to fingre tok jeg nennsomt hånden til løytnanten (han var ikke blitt noen slags kammerjunker ennå) vekk fra skulderen min og sa høflig:

«Herr Endlung, om **De** hadde hatt fantasi nok til å bekymre **Dem** om definisjonen av min sjel, ville det ikke være presist å kalle den ”lakeisjel,” men heller ”hoffurer-sjel,” for etter lang og feilfri tjeneste ved hoffet til Hans Høyhet, er jeg blitt tildelt tittelen ”hoffurer.” Denne hører til den 9. rangsklasse, og tilsvarer titulærråds rang, stabskaptein i hæren eller *løytnant i flåten* (dette siste understreket jeg med hensikt).»

Endlung slengte ut:

«Løytnanter oppvarter ikke ved bordene!»

Men jeg svarte:

«Min herre, *oppvarte* er noe man gjør på restaurant, men for tsarens slektninger *tjener* man. Hver etter sine evner, og med ære og plikt.»

Etter denne episoden var Endlung som smør mot meg: han snakket høflig, gjorde ikke narr av meg lenger, tiltalte meg med navn og farsnavn og alltid med *De*.

Her må det nevnes at for en mann i min stilling har *tiltale med De og du* sine helt særlige betydninger, fordi vi som tjener ved hoffet, har en helt særlig status. Det er vanskelig å forklare hvordan det har blitt slik, for fra enkelte er det krenkende å høre en tiltale med *du*, mens det fra andre er sårende å bli tiltalt med *De*. Og jeg kan bare tjene for disse siste, om **De** forstår hva jeg mener.

Jeg skal forsøke å forklare. Tiltale med *du* tåler jeg bare fra medlemmer av keiserslekten. Nei, jeg ikke bare tåler det, jeg holder det for et privilegium og en særlig utmerkelse. Jeg ville

ganske enkelt bli fullstendig nedslått om Georgij Aleksandrovitsj, Hennes Høyhet eller noen av barna, selv de minste, plutselig tiltalte meg med *De*. For noen år siden ble jeg uenig med Jekaterina Ioannovna om en kammerpike som med urette ble beskyldt for lettsindighet. Jeg viste fasthet og holdt på mitt, så storfyrstinnen ble fornærmet og var «*dis*» med meg en hel uke igjennom. Jeg led under dette, ble hulkinnet og fikk ikke sove. Etterpå fikk vi snakket ut, naturligvis. Med det for henne karakteristiske storsinn innså Jekaterina Ioannovna at hun hadde urett, jeg bekjente meg også skyldig og hun lot meg kysse hånden sin, mens hun selv kysset meg på pannen. [Akunin 2008: 13-14]

Итак, здесь мы находим употребление местоимений *du* и *De* по аналогии с русскими местоимениями «ты» и «вы» соответственно. Получается, что функции упомянутых норвежских местоимений совпадают с описанными выше функциями местоимений второго лица единственного числа в русском языке. Или, вернее сказать, *совпали*, поскольку действие в романе, как уже говорилось, происходит в 1896 году.

Перечислим эти функции:

- 1) *Du* как **показатель уничижительного отношения** по отношению к человеку, который, по мнению говорящего, является представителем более низкого социального класса;
- 2) *Du* может выступать **показателем близкого, доверительного отношения**;
- 3) *De* может употребляться как **показатель дистанции**;
- 4) *De* может служить **выразителем уважительного отношения**.

И всё же, на наш взгляд, между текстом оригинала и его переводом есть некоторая разница в плане местоимений, заключающаяся в том, что для русского читателя, как мы осмелимся предположить, приведённая выше сцена покажется несколько более живой и приближенной к современной действительности, чем для человека, читающего норвежский перевод. Основание для этого предположения таково: для носителя русского языка встречающиеся в тексте функции местоимений «ты» и «вы» по-прежнему актуальны, каждое из этих местоимений по-прежнему может быть употреблено в соответствующих функциях (несмотря на то, что дворцовых служителей, как в царские времена, сейчас нет), тогда как в норвежском языке в этом отношении

произошли несравнимо **большие** изменения. В норвежском употреблении местоимения *du* уже не служит показателем уничижительного отношения, это местоимение стало нейтральным; с другой стороны, оно и не служит показателем тёплого отношения говорящего к собеседнику, причисления им собеседника к кругу «своих». Что касается местоимения *De*, оно утратило функцию «обычного» вежливого обращения: его употребление теперь слишком маркировано и при прочих равных обозначает дистанцию **большую**, нежели в русском языке.

Сравним отрывки из поэмы **В. В. Маяковского «Облако в штанах»**, написанной в 1914-1915 годах, с их вольным переводом на норвежский, выполненным М. Нагом. В первом из рассматриваемых нами отрывков лирический герой обращается к своей возлюбленной:

«Вошла **ты**,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Что ж, **выходите**.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,

страсть»,—

а я одно видел: **ВЫ** — Джоконда,
которую надо украсть!

И украли» [<http://rupoem.ru/mayakovskij/vashu-mysl-mechtayuschuyu.aspx>].

Det var **du** som steg inn,

raskt,

som fikk jeg en rift i meg.

Du rykket i din ene hanske

og sa:

«Jeg skal gifte meg.

Du har hørt det, kanskje?»

- Gift **deg** bare.

Samme fa'n.

Du får det ikke til å kulse

i meg.

Jeg er herdet, slik

Jeg er rolig,

som pulsen

på et lik.

Husker **du**?

Du sa en gang:

«Jack London,

penger,

elske mange».

Jeg så det straks:

Du var en sjelden fugl.

Jeg tenkte: Mon den

vil la seg fange?

Fuglen lot seg fange. [Majakovskij 1970: 34-35]

Использование вначале местоимения «ты» говорит о том, что, с точки зрения лирического героя (и это важно), горизонтальная дистанция между ним и его возлюбленной минимальна. Местоимение «ты», таким образом, выступает в функции показателя степени близости отношений, но именно с позиции героя, поскольку мы, по сути, имеем дело с монологом, хотя в нём и присутствует фраза, произносимая девушкой. Заметим, что в этой реплике девушка обращается к герою на «вы».

Далее тональность меняется, герой переходит на «вы». Замена местоимения «ты» на местоимение «вы» подчёркивает, что в душе героя произошли перемены. Герой словно отдаляется от своей возлюбленной, языковыми средствами увеличивает горизонтальную дистанцию между ними. Мы обнаруживаем его стремление отстраниться, обозначить границы, защититься. Впрочем, в последнем случае употребления местоимения «вы» в приведённом отрывке прослеживается и восхищение возлюбленной.

Таким образом, в этом отрывке случаи употребления местоимений второго лица показывают, как варьируется горизонтальная дистанция между героем и его возлюбленной с точки зрения самого **героя**.

В норвежском переводе на протяжении всего отрывка используется местоимение *du*: не только до того, как лирический герой узнал о предстоящем замужестве дамы сердца, но и после, а также в обращении возлюбленной к герою.

Возникает вопрос: почему переводчик не использовал местоимение *De*? Ведь произведение было написано ещё в первой четверти XX века... Должно быть, на то были свои причины. По всей видимости, в данном контексте местоимение *De* не выражало бы того же самого смысла, что и русское местоимение «вы», и, более того, выглядело бы нелепо рядом с ругательством (*samme fa'n*) и диалектным глаголом *kulse*. Общий новаторский стиль поэмы в переводе на норвежский был бы в приведённом отрывке нарушен, если бы использовалось местоимение *De*.

На наш взгляд, характер отношений между героем и возлюбленной, и, главное, отношения героя **к** возлюбленной, в переводе соответствует тому, что

мы находим в оригинальном тексте. Дело в том, что в оригинале даже тогда, когда герой переходит на «вы», тем самым увеличивая дистанцию между собой и дамой, его речь по-прежнему остаётся крайне эмоциональной в силу используемой лексики и особенностей синтаксиса. Возникает ощущение, что, хотя герой формально, то есть в чисто языковом плане, и переходит на «вы», стремясь показать увеличение дистанции, внутренне он с дамой по-прежнему на «ты».

Таким образом, даже в переводе литературы, написанной до 1970-х годов (то есть до всеобщего перехода на *du*) может использоваться *du* в случае, если в русском оригинале наблюдается чередование местоимений «ты» и «вы», показывающее то, как **варьируется горизонтальная дистанция между участниками беседы.**

В другом отрывке лирический герой **обращается к матери**, причём на «вы». Любопытно, что переводчик М. Наг использовал местоимение *du*. Сравним:

«Allo!

Кто говорит?

Мама?

Мама!

Ваш сын прекрасно болен!

Мама!

У него пожар сердца».

[<http://rupoem.ru/mayakovskij/vashu-mysl-mechtayuschuyu.aspx>]

Рассмотрим, как вышли из ситуации переводчики романа **М. Булгакова «Мастер и Маргарита»** при работе над эпизодом, в котором мастер обращается к коту. Вслед за цитатой из оригинала представлены отрывки из переводов, выполненных М. Нагом (M. Nag) и Э. Эгебергом (E. Egeberg) соответственно.

«Мастер вытаращил глаза, шепча:

– Однако это будет, пожалуй, почище того, что рассказывал Иван! – Совершенно потрясенный, он оглядывался и наконец сказал коту: – А простите... это **ты**... это **вы**... – он сбился, не зная, как обращаться к коту, на «**ты**» или на «**вы**», – **вы** – тот самый кот, что садились в трамвай?

– Я, – подтвердил польщенный кот и добавил: – Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «**ты**», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта». [Булгаков 1991: 553]

Mesteren sperret øynene opp og hvisket:

- Men dette vil kanskje vise seg å bli klarere enn alt det Ivan fortalte! – Fullstendig fortumlet så han seg omkring og sa langt om lenge til katten: – Unnskyld, var det **du**... **De**... – Han gikk i surr og visste ikke hvordan han skulle tiltale katten. – Er **De** den samme katten som satt på trikken?
- Ja, det var jeg, bekreftet katten, den var blitt smigret, og tilføyde: – Det er hyggelig å høre at De omgås så høflig med en katt. Av en eller annen merkelig grunn sier man vanligvis «**du**» til en katt, selv om en katt aldri i livet har drukket dus med noen. [Bulgakov 1967: 281]

Mesteren gjorde store øyne og hvisket:

- Men dette her blir da faktisk enda stivere enn det Ivan fortalte! Fullstendig omtumlet så han seg rundt og sa til slutt til katten: – Unnskyld meg... men **du**... men **De**... han kom ut av det, for han visste ikke hvordan man skulle tiltale en katt, – er **De** den katten som gikk på trikken?
- Javisst, bekreftet katten smigret og tilføyde: – Det gleder meg å høre Dem tiltale en katt så høflig. Katter blir, uvisst hvorfor, bestandig tiltalt med «**du**», enda ingen katt noensinne har drukket dus med noen. [Bulgakov 2000: 320]

Поскольку работа над романом велась с 1928 по 1940 годы, то есть относительно давно, то неудивительно, что мы встречаем в обоих переводах на норвежский местоимение *De*, употреблённое аналогично русскому «вежливому» местоимению «**вы**». Здесь также важно отметить, что упомянутое норвежское местоимение встречается в переводах «Мастера и Маргариты» не только в рассматриваемом отрывке, но и в другом контексте, например, при разговоре Азazelло с Алоизиом Могарычем в той же главе.

К слову, в переводе этого отрывка на датский тоже используется местоимение *De*⁹, что тоже неудивительно, поскольку в Дании ломка старой системы обращений произошла спустя многие годы после написания произведения, в 1960-е годы, о чём говорилось в первой главе данной работы.

⁹ Bulgakov 1988: 72

Сравним теперь фрагменты повести Л. Улицкой «Сонечка», написанной в 1992 году, с их переводом на норвежский язык. По техническим причинам мы смогли выбрать только те отрывки, действие в которых разворачивается в годы Великой Отечественной войны.

В первой сцене главная героиня, Сонечка, временно работающая на выдаче книг в библиотеке в Свердловске, разговаривает с посетителем, который значительно старше неё:

«- Адрес, - кротко попросила Сонечка.

- Я, **видите** ли, прикомандирован. Я живу в заводууправлении, - объяснил странный читатель.

- Ну паспорт **дайте**, прописку, - попросила Сонечка.

Он порылся в каком-то глубоком кармане и вынул мятую справку. Она долго смотрела сквозь очки, потом покачала головой.

- Нет, не могу. **Вы** же областной...» [<http://e-libra.ru/read/134120-sonechka.html>]

Как мы видим, Сонечка и посетитель обращаются друг к другу на *вы*, что мы понимаем в том числе благодаря тому, что в тексте использованы глаголы в форме множественного числа. Упомянутое обращение соответствует нормам вежливости русского языка, поскольку герои не знакомы друг с другом.

В переводе на норвежский, выполненном М. Бьеркенг (M. Bjerken), в той же функции используется местоимение *De* и его формы:

- Adressen **Deres**, bad Sonetsjka forsiktig.

- Det har jeg slik, forstår **De**, at jeg er på tjenestereise her. Jeg bor i fabrikkledelsens lokaler, forklarte den underlige låneren.

- Ja, men så la meg få se passet **Deres**, da, bostedsbeviset, bad Sonetsjka igjen.

Han grov langt ned i en eller annen dyp lomme og trakk opp et krøllet papir. Hun så lenge på det gjennom brilleglansene, så ristet hun på hodet.

- Nei, det går ikke. **De** er jo bare registrert på fylket... [Ulitskaja 2006: 15]

Ситуация, аналогичная рассмотренной выше, встречается также в нижеследующем отрывке и его переводе:

«- Я осмелился побеспокоить **вас**, доктор, - заговорил мужчина, и пан Жувальский, с первых звуков голоса почуяв в нем принадлежность к своей касте, к попанной европейской интеллигенции, двинулся навстречу с улыбкой узнавания.

- Прошу **вас**... Пожалуйста. **Вы** с супругой? - полувопросительно произнес пан Жувальский, отметив их большую разницу в возрасте, допускавшую и какие-то иные отношения между этими по виду мало подходящими людьми». [<http://e-libra.ru/read/134120-sonechka.html>]

- Jeg har tatt meg den frihet å bry **Dem**, doktor, det var mannen som tok ordet, og pan Zjuwalski, som straks han hørte lyden av stemmen hans, fornemmet at denne mannen tilhørte hans egen kaste, den dypt krenkede europeiske intelligentsiaen, beveget seg mot dem med et gjenkjennende smil.
- Vær så god... bli med. Det er **Deres** hustru **De** kommer med? - pan Zjuwalski var halvt spørrende i tonefallet. Han hadde lagt merke til den store aldersforskjellen mellom disse to menneskene, som sett utenfra passet så dårlig sammen. [Ulitskaja 2006: 34-35]

Итак, мы видим, что употребление местоимения **De** по отношению к **незнакомым людям** было вполне типично для Норвегии военных лет, в отличие от современности. Это подтверждает и уже упоминавшаяся статья «Intimisering og brutalisering» Э. Лундебю. Напомним: в ней говорится, что примерно до 1970 года в Норвегии существовало чёткое разделение обращений: местоимение **du** употреблялось в отношении близких (родственников, друзей, коллег), форма **De** – для обращения к незнакомым людям и вышестоящим. Однако, как пишет Э. Лундебю, приблизительно с 1970 года всё резко изменилось: «**du** добилось статуса единственной формы обращения и почти полностью вытеснило **De**» [Lundeby 1995: 10].

2.2 Время действия в произведении - после 1970-х годов

Сравним перевод ещё одного художественного произведения на норвежский язык с русскоязычным оригиналом. Речь пойдёт о детективе **А. Марининой** «**Стечение обстоятельств**» и его норвежском переводе «**Tilfeldighetens spill**», выполненном Т. Бёлером (Т. Bøhler) и Э. А. Сенье (А. А. Senje). Книга была написана в 1993 году, действие в ней тоже происходит в 1990-е годы. Перевод на норвежский вышел в 2007 году.

Рассмотрим сцену разговора Димы Захарова, сотрудника охранного агентства, и пожилого миллионера:

«Толпа у стойки регистрации поредела, и Захаров тронул за локоть своего спутника.

– Пойдемте, Аркадий Леонтьевич. Регистрация на **ваш** рейс заканчивается.

Пожилой сублильный Аркадий Леонтьевич нервно поправил очки и двинулся к стойке.

– Ну, спасибо, Дима, – напряженно улыбнулся он, забирая у девушки-регистратора свой билет. – Мне было приятно с **вами** общаться. Передайте **вашему** шефу благодарность от меня. У вас чаевые, как я понимаю, не приняты?

– Ни в коем случае, – подтвердил Захаров. – Оплата только через фирму.

– Жаль, – огорченно вздохнул Аркадий Леонтьевич. – Я хотел бы отблагодарить **вас** лично. **Вы** мне очень понравились. Но нельзя так нельзя.

– Для нас лучшая благодарность – повторное обращение в нашу фирму.

Произнося эту дежурную фразу, Дима легонько подтолкнул своего клиента к выходу на посадку. «Иди уж наконец, – устало подумал он. – Время два часа ночи, я хочу спать, а **ты** мне своей благодарностью голову морочишь».

– Счастливого пути, Аркадий Леонтьевич! Будете в Москве – мы к **вашим** услугам.

– Да-да, непременно, Дима, непременно. Буду иметь дело только с вашим агентством. Еще раз спасибо!» [<http://e-libra.ru/read/214856-stechenie-obstoyatelstv.html>]

Ved innsjekkingsranken var det blitt færre folk, og Dima Zakharov rørte ved albuen til ledsageren sin.

– Vi går, Arkadij Leontjevitsj. **De** er snart ferdige med innsjekkningen til flyet **Deres**.

Den middelaldrenede, spedbygde Arkadij Leontjevitsj rettet nervøst på brillene og beveget seg mot skranken.

– Takk, Dima, smilte han anstrengt, idet han tok imot billetten sin fra damen bak innsjekkingsranken. – Det var hyggelig å være sammen med **deg**. Hils sjefen **din** og si takk fra meg. Jeg forstår det slik at dere ikke tar imot drikkepenge?

– Ikke under noen omstendighet, bekreftet Zakharov. – Man betaler bare gjennom firmaet.

– Det var synd, sukket Arkadij Leontjevitsj bedrøvet. – Jeg skulle gjerne ha lønnet **deg** personlig. Jeg liker **deg** meget godt. Men går det ikke, så går det ikke.

– Den beste måten å takke oss på er å kontakte firmaet vårt en gang til.

Idet han uttalte denne standardfrasen, puffet Dima kunden sin varsomt mot utgangen. «Nå får **du** gå da,» tenkte han trett. «Klokka er to om natta, jeg vil sove, og **du** driver og prakker på meg denne takknemligheten **din**.»

– God reise, Arkadij Leontjevitsj! Om **De** kommer til Moskva igjen, står vi til tjeneste.

– Absolutt, Dima, absolutt. Jeg vil bare bruke **ditt** firma. Takk igjen!

[Marinina 2007: 9-10]

В оригинале Дима и миллионер обращаются друг к другу на *вы*, тогда как в норвежском переводе обращение к собеседнику на *De* использует только Дима. В русском тексте Аркадий Леонтьевич выказывает уважительное

отношение к Диме, несмотря на разницу в возрасте и финансовом положении, что говорит, в частности, о его воспитанности. На первый взгляд может показаться, что в норвежском переводе образ миллионера – совсем другой, что обращение Аркадия Леонтьевича к Диме на *ты* несёт отпечаток снисходительности и фамильярности.

Вспомним, однако, что действие в детективе происходит не в XIX веке, а в 1990-е годы, когда использование местоимения *De* становится всё более редким явлением в норвежском языке, ведь уже совсем скоро, в книге «Språkvett...» 2004 года, Д. Гундерсен напишет, что употребление этого местоимения является скорее исключением, нежели правилом. Следовательно, упрекать Аркадия Леонтьевича в норвежском переводе в фамильярности было бы несправедливо.

Тем не менее, Д. Гундерсен также пишет, что, как уже цитировалось в первой главе, «употребление вежливого *De* по-прежнему считается совершенно приемлемым, а в редких случаях использование этой формы может быть даже уместным: вероятно, преимущественно тогда, когда человек сам хочет обозначить некую дистанцию или же считает, что именно такое обращение предпочитает собеседник» [Gundersen 2004: 273]. Видимо, переводчики детектива посчитали, что в обращении Димы к пожилому миллионеру употребление именно этого местоимения вполне приемлемо.

Таким образом, в норвежском переводе особый тон общения в сцену привносит не Аркадий Леонтьевич, а Дима. Здесь использование Димой вежливого обращения несёт большую смысловую нагрузку, нежели в оригинале, так как само использование местоимения *De* – далеко не такое частое явление, как использование вежливого обращения в русском языке. Именно поэтому в переводе дистанция между говорящими кажется большей, чем в исходном тексте, а, когда Дима мысленно обращается к миллионеру на *ты*, возникает, пожалуй, большее противоречие между его внешним и внутренним отношением к миллионеру.

С другой стороны, благодаря употреблению в речи Димы местоимения *De* переводчику удалось ярко передать контраст между рассыпающимся в

благодарностях Аркадием Леонтьевичем и стремящимся поскорее от него отделаться Димой.

Рассмотрим другую сцену из той же книги:

«Захаров мигнул фарами и медленно подкатил к женщине.

– **Вам** в город? – спросил он, опустив стекло на задней двери.

– Юго-Запад, улица Волгина. **Подвезете?** – В голосе ее Дима не слышал ни радости, ни облегчения. Какая-то безысходная покорность судьбе.

– **Садитесь.** – Дима быстро поднял стекло и открыл ей дверь».

[<http://e-libra.ru/read/214856-stechenie-obstoyatelstv.html>]

Zakharov blinket med lysene og trillet langsomt bort til kvinnen.

– Skal **du** til byen? spurte han og rullet ned vinduet i bakdøren.

– Bydel Jugo-Zapadnaja, Volgin-gata. Kan **du** kjøre meg dit? I stemmen hennes hørte Dima hverken glede eller lettelse, bare en slags resignasjon.

– Sett **deg** inn. Dima rullet raskt opp vinduet og åpnet døren for henne.

[Marinina 2007: 11]

Мы видим, что в оригинале Дима и женщина обращаются друг к другу на *вы*, что носителю русского языка кажется вполне естественным в данной ситуации, ведь говорящие не знакомы. Такое обращение просто-напросто соответствует правилам нашей речевой вежливости. Что касается норвежского перевода, здесь оба собеседника используют в отношении друг друга отнюдь не вежливую форму *De*, а местоимение 2-го лица единственного числа *du*, что, в свою очередь, является совершенно нормальным явлением в рамках норвежского языка. Таким образом, несмотря на то, что в оригинале и в переводе употреблены, казалось бы, разные по смыслу местоимения, сцена в переводе не меняет своего характера, это по-прежнему вежливый разговор двух незнакомых людей.

Перейдём теперь к беседе главной героини детектива, Насти Каменской, с начальником по прозвищу «Колобок».

«– Синдром Раскольникова – **твоя** работа? – Колобок на мгновение прервал ходьбу, исподлобья взглянув на Каменскую.

– Моя, – тихо подтвердила Настя. – **Вы** недовольны?

– А Шумилин – тоже **твоя** работа? – начальник проигнорировал ее вопрос, хотя прекрасно знал, как важно Насте услышать от него хоть слово одобрения.

– Тоже моя, – голос Каменской дрогнул.

– А фигуранта по делу манекенщицы почему выдерживают в собственном соку? **Ты** посоветовала?

– Виктор Алексеевич, я полагала, что...

– Знаю, – оборвал ее Гордеев. – **Ты** мне говорила. У меня пока нет склероза».

[<http://e-libra.ru/read/214856-stechenie-obstoyatelstv.html>]

– Raskolnikov-syndromet, er det **ditt** påfunn? Smørbukk stoppet opp et øyeblikk og skulte på Kamenskaja.

– Ja, bekreftet Nastja stille. – Er **De** misfornøyd?

– Og Sjumilin, er dét også **ditt** påfunn? Sjefen ignorerte spørsmålet hennes, selv om han utmerket godt visste hvor viktig det var for Nastja å høre i det minste ett rosende ord fra ham.

– Ja, det også. Kamenskajas stemme skalv.

– Og hvorfor lar dere den mulig mistenkte i modellsaken ligge og mugne? Er det **du** som har tilrådd det?

– Viktor Aleksejevitsj, jeg antok at...

– Det vet jeg, avbrøt Gordejev henne. – Det har **du** sagt. Jeg er ikke årefolkalket ennå.

[Marinina 2007: 28-29]

В переводе, как мы видим, используются местоимения, аналогичные тем, что употреблены в оригинале: в русскоязычном тексте начальник обращается к Каменской на *ты*, а она к нему – на *вы*; аналогичным образом, в норвежском тексте в речи начальника используется местоимение *du*, а в речи Каменской – *De*. Возникает ряд вопросов. Это переводческий приём, использованный с целью лучше передать характер отношений между героиней и её начальником? Или такой стиль общения между начальником и подчинённым был характерен и для Норвегии 1990-х годов? А как обращаются друг к другу начальник и подчинённый сейчас?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели опрос среди носителей норвежского языка. В опросе приняли участие 10 человек в возрасте от 23 до 48 лет. Каждый из них ответил отрицательно на вопрос о том, была ли типичной для Норвегии 1990-х годов ситуация, когда подчинённый в отношении начальника использовал местоимение *De*, а начальник в отношении подчинённого – местоимение *du*. Во втором вопросе спрашивалось, как

обращаются друг к другу начальник и подчинённый сейчас, на что все участники опроса ответили, что *du*.

Таким образом, использование Каменской местоимения *De* при обращении к начальнику можно считать переводческим приёмом, призванным передать специфику общения в России.

С точки зрения характера общения на работе для данной диссертации представляет интерес также эпизод разговора Каменской с коллегой Мишей. В оригинале говорящие обращаются друг к другу на *вы*, причём Миша, по всей видимости, младше героини:

«Вернувшись к себе, она сунула кипятильник в высокую керамическую кружку с водой и набрала номер внутреннего телефона.

– Мишенька, **вы** не хотите выпить со мной кофе?

– С удовольствием, Анастасия Павловна. Бегу.

Через минуту к Насте зашел Миша Доценко, неся с собой чашку и коробку с сахаром.

– Что **вы**, Миша, – укоризненно покачала головой Настя. – Я же **вас** пригласила. Разве гости приходят со своими продуктами?

– **Знаете**, – смутился Миша, – времена сейчас трудные. Приходится следить за собой, чтобы не превратиться в нахлебника». [<http://e-libra.ru/read/214856-stechenie-obstoyatelstv.html>]

В переводе на норвежский язык оба собеседника используют в отношении друг друга местоимение 2-го лица единственного числа *du*:

Tilbake på sitt eget kontor stakk hun dyppekokeren i et høyt keramikkrus med vann og slo et nummer på interntelefonen.

– Misja, har **du** lyst til å drikke kaffe med meg?

– Gjerne, Anastasia Pavlovna. Jeg iler.

Et minutt senere kom Misja Dotsenko inn til Nastja med en kopp og en boks med sukker.

– Neimen Misja, Nastja ristet bebreidende på hodet; – jeg inviterte **deg** jo. Gjester har da ikke med seg mat.

– **Du** vet, Misja ble forlegen, – det er harde tider. Man må passe på at man ikke snylter på andre.

[Marinina 2007: 35]

Таким образом, сравнивая детектив А. Мариной «Стечение обстоятельств» с его переводом на норвежский язык, мы можем отметить, что переводчики далеко не всегда используют местоимение *De*, когда в оригинале

употреблено местоимение «вы». Они делают выбор в пользу того или другого местоимения в зависимости от конкретной ситуации.

Также можно отметить, что при сравнении оригинала и перевода литературы, где время действия относится к периоду после 1970-х годов, в использовании местоимений наблюдаются большие различия:

- 1) Местоимение *du* используется там, где в оригинале употреблено «вы» в качестве **показателя уважительного отношения** к собеседнику;
- 2) Русское «вы» заменяется на норвежское *du* при переводе ситуации **общения незнакомых людей**;
- 3) Русское «вы» заменяется на норвежское *du* при переводе **разговора коллег**.

Выводы по главе 2

Проанализировав отрывки из переводов художественной литературы с русского языка на норвежский, можно прийти к следующим выводам:

- 1) Важнейшие факторы, определяющие выбор местоимения при переводе, – это время написания произведения и время действия в нём;
- 2) Переводчики в первую очередь стремятся передать тот *смысл*, который местоимение привносит в текст, то есть то, что стоит *за* ним;
- 3) В переводе произведений, время действия в которых разворачивается в XIX веке, наблюдается совпадение функций русских местоимений «ты» и «вы» и норвежских *du* и *De* соответственно;
- 4) Большие различия в использовании местоимений наблюдаются при сравнении оригинала и перевода литературы, где время действия относится к периоду после 1970-х годов: если в русском оригинале в качестве показателя уважительного отношения к собеседнику, а также ситуации общения незнакомых людей используется обращение на «вы», то в норвежском переводе происходит замена «вы» на *du*.

Глава 3. Особенности перевода местоимения второго лица единственного числа с норвежского языка на русский язык

В этой главе мы рассмотрим, с какими сложностями в отношении перевода норвежского местоимения второго лица единственного числа *du* сталкиваются переводчики современной норвежской литературы на русский язык, в каких ситуациях его переводят как «ты» и в каких ситуациях – как «вы». Здесь будет рассматриваться современная литература, так как именно в современном норвежском языке система обращений сильно отличается от русской, о чём было сказано в предыдущей главе.

Для примера возьмём роман Т. Ренберга «Шарлотта Исабель Хансен», впервые изданный в 2008 году, и сравним его с переводом на русский язык, выполненным А. Н. Ливановой. В романе речь идёт о молодом и талантливом студенте Ярле Клеппе, который неожиданно узнаёт, что у него есть маленькая дочь.

Мы будем рассматривать встречающиеся в произведении и его переводе сцены, в которых использованы местоимения в качестве обращения в единственном числе, что позволит нам увидеть, в каких случаях можно говорить о функциональном соответствии местоимений *du* и «ты», а в каких случаях – нельзя. Необходимо сразу пояснить, что местоимение *De* в качестве обращение к одному лицу в данном романе нам не встретилось вовсе, что объясняется причинами, о которых говорилось выше.

В качестве ещё одного источника примеров послужит роман Х. Ури «*De beste blant oss*» и его перевод «Лучшие из нас», выполненный Е. А. Лавриной.

3.1 Ситуации с нестабильным характером отношений

Весьма любопытна для нашего исследования сцена беседы между Ярле Клеппом и его соседкой в возрасте тридцати с небольшим лет, работающей в районной администрации. Сразу предупредим, что соседку зовут Грета (*Grete*), но Ярле ошибочно полагает, что её имя – Герда (*Gerd*). В переводе первой

фразы разговора, в которой встречается норвежское местоимение *du* (это реплика Ярле), использовано обращение на «ты», что мы понимаем благодаря глаголу «знать», стоящему в форме второго лица единственного числа:

«*Nei,*» mumlet han og skiftet fot, «*en får vel komme seg av gårde. Ser kolonialen har stengt i dag. Du vet ikke hvorfor, vel?*» [Renberg 2008: 19]

- Ну, - пробормотал он, переступив с ноги на ногу, - мне пора, наверное. У бакалейщика вон закрыто сегодня. Не знаешь почему, а? [Ренберг 2011: 17]

В ответе соседки при переводе местоимения *du* тоже используется обращение на «ты»:

«*Jo, jeg skjønner godt at Hernán holder stengt i dag, ja. Det er internasjonalt, dette, vet du. Følelser er globale, vet du, Jarle*» [Renberg 2008: 19].

- Знаю, совершенно очевидно, почему у Эрнана сегодня закрыто, ага. Это же, понимаешь, интернациональное событие. Чувства глобальны, пойми, Ярле [Renberg 2008: 17].

Несколько далее, тем не менее, когда беседа меняет свой характер и речь идёт уже не об отвлечённых вещах, в переводе появляется обращение на «вы». Сравним:

«*Å ja, er det moren din som kommer på besøk?*» sa Gerd og tok pokémonkortene ut av hendene til sønnen, «*du vet du bare mister dem og ødelegger dem.*» Hun så mot Jarle igjen. «*Hun var så utrolig søt da hun var her sist, moren din – ja, jeg snakket jo med henne da hun lånte strykebrettet til skjortene dine.*»

<...>

«*Hvem er det som kommer, da? En kjæreste?*» [Renberg 2008: 21]

- Ах да, ведь ваша мама приезжает в гости? – сказала Герда и забрала из рук сына карточки покемон. – Ну, ты же их потеряешь или испортишь. – Она опять взглянула на Ярле. – Какая у вас мама милая! Когда она приезжала прошлый раз, мы с ней разговорились; она тогда зашла попросить у меня гладильную доску, чтобы погладить вам рубашки.

<...>

- *Кто же тогда приезжает? **Ваша** девушка?* [Ренберг 2011: 19]

Далее в переводе Грета вновь переходит на «ты», хотя в оригинале в плане используемого в обращении местоимения по-прежнему ничего не изменилось:

«Det er bare bøker, bøker, bøker i hodet på **deg**, hva? Det er **du** som alltid skal ha det der tidsskriftet hos Hernán, er det ikke? Det der – hva heter det – Morgenbladet?» [Renberg 2008: 22]

- *У **тебя** в голове всё книги да книги, да? Это **тебе** же нужен у Эрнана журнал какой-то, да? Как там его – «Моргенбладет», кажется?* [Ренберг 2011: 20]

Таким образом, мы видим, что в переводе в речи соседки Ярле используются попеременно местоимения «ты» и «вы». Этот приём позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что герои, будучи соседями, знают друг друга недостаточно хорошо, характер их отношений пока неустойчив.

Когда впоследствии в романе снова появляется соседка Грета, это происходит при следующих обстоятельствах. К Ярле в квартиру в пьяном состоянии ломится подруга по имени Хердис Снартему, и когда Ярле, наконец, открывает дверь, то видит Хердис на полу, а рядом с ней – стоящую на коленях Грету, утешающую Хердис. Услышав Ярле, Грета произносит следующее:

«<...> hei, er **du** der?»

Grete så opp.

«Hei, ja, jeg hørte noe bråk her, så ...» Hun smilte skjevt til Jarle, «eh ... er hun, eller, skal hun til **deg**?» [Renberg 2008: 103]

- *Эй, это **вы** там? – Грета подняла голову. – Привет, да, я тут услышала шум, вот и... - Она криво улыбнулась Ярле. – Э-э-э... она что, она к **вам** пришла?* [Ренберг 2011: 120]

Как мы видим, в переводе данного отрывка используется местоимение «вы». Выше мы уже обратили внимание на то, что Грета в русском переводе обращается к Ярле то на «ты», то на «вы», что, как было отмечено, обусловлено характером взаимоотношений героев. Ярле и Грета не общаются постоянно, а только от случая к случаю, и отношения между ними на данном этапе носят

скорее неопределённый характер, когда на «вы» обращаться – слишком официально, но, в то же время, исключительно на «ты» - неудобно. Разница в возрасте между героями небольшая: Ярле – двадцать пять лет, Грете – тридцать с небольшим. Значимой разницы в статусе между ними тоже не наблюдается.

Можно предположить, что в приведённом отрывке, в переводе, Грета обращается к Ярле на «вы» в связи с неловкостью ситуации, а также, вероятно, из-за неожиданности происходящего.

Далее в произведении, когда Ярле звонит Грете с просьбой присмотреть за дочерью, он обращается к ней в переводе исключительно на «вы», например:

Ja, uansett, det jeg vil spørre **deg** om, er om **du** kunne passe på datteren min i noen timer [Renberg 2008: 133].

*Ну, во всяком случае, я **вас** хотел вот о чём попросить: **вы** не могли бы присмотреть за моей дочкой пару часов?* [Ренберг 2011: 155-156]

Или:

Jaja, **du** skal på jobb i morgen, så klart [Renberg 2008: 134].

*Да конечно, понимаю, **вам** же на работу завтра с утра* [Ренберг 2011: 156-157].

Однако потом, когда Ярле заходит к Грете, чтобы оставить у неё ненадолго дочку, оба обращаются друг к другу в переводе на «ты»:

«Synd med kameraten **din**,» sa Grete.

«Hm?»

«Nei, kameraten **din**. Stakkar.»

«Å ja, kameraten min! **Du** mener Hasse! Jah. Huff! Fryktelig.» Jarle kremtet. [Renberg 2008: 154]

- *Жалко **твоего** друга, - сказала Грета.*

- *А?*

- *Ну, этого **твоего** друга. Бедняга!*

- *Ах да, моего друга! **Ты** Хассе имеешь в виду? Да уж. Ужас! Кошмар.*

- *Ярле кашлянул.* [Ренберг 2011: 183]

В продолжение всего разговора герои иначе, чем на «ты», друг к другу и не обращаются.

Мы видим, что, в то время как местоимение «ты» в русском языке является показателем степени близости знакомства, местоимение *du* в современном норвежском языке такой функции не несёт, что необходимо учитывать при переводе. В каких-то случаях грань, отделяющую сферы употребления местоимений «ты» и «вы» в русском, определить легко, а иногда эта грань очень тонка, как в случае со взаимоотношениями Ярле и Греты.

В ещё одном эпизоде Ярле вновь встречает соседку Грету, которая на сей раз сильно недовольна. Дело в том, что накануне вечером Ярле сильно напился, направился к дому своей бывшей подруги Хердис (о чём речь пойдёт ниже), откуда его доставили домой на машине, но и на этом приключения не закончились, однако их свидетельницей уже была Грета, которую Ярле попросил в тот вечер присмотреть за дочерью, о чём говорилось выше. На следующий день Ярле просыпается в одиночестве, не может найти ни дочери, ни Греты, и вот, наконец, ближе к вечеру видит их на лестнице. Грета обращается к герою со следующими словами:

«Jeg vet ikke hva **du** tenker med.» Hun snudde seg. «Og jeg vet ikke hva som foregår inne i hodet **ditt**. Men dette gjør **du** aldri mer. Ikke mot meg. Og ikke mot datteren **din**.» [Renberg 2008: 207]

*- Я не знаю, каким местом **ты** думаешь. – Она обернулась. – И я не знаю, что происходит в **твоей** голове. Но такого **ты** больше никогда не сделаешь. Ни со мной, ни со своей дочерью.* [Ренберг 2011: 249]

На протяжении всей сцены Грета обращается в русском переводе к Ярле на «ты». Прежде в её обращении к Ярле чередовались местоимения «ты» и «вы» (в переводе, разумеется), поскольку характер их отношений отличался некоторой неопределённостью. Можно предположить, что в этом эпизоде Грета употребляет только местоимение «ты» не столько потому, что она несколько ближе познакомилась с Ярле, сколько потому, что её переполняют отрицательные эмоции. Таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с

«эмоциональным» «ты». В такой функции выступает и норвежское местоимение *du* в описываемом фрагменте.

3.2 Общение незнакомых людей

- 1) В романе есть сцена, в которой к Ярле в автобусе обращается элегантно одетая пожилая дама, например, со следующими словами: «*Tror **du** det,*» fortsatte hun, «*at vi kanskje kan se noe av det på flyplassen?»* [Renberg 2008: 26] - *Как **вы** думаете, - продолжала она, - может, нам удастся хоть чуточку увидеть в аэропорту?* [Ренберг 2011: 25] или «*Og hvem var det **du** skulle hente, sa **du**?»* [Renberg 2008: 40] *А **вы** за кем едете-то, **вы** сказали?* [Ренберг 2011: 43] В переводе на русский, как мы видим, используется местоимение «вы», что как нельзя более соответствует облику дамы, как он описан в романе.
- 2) В романе есть и другая сцена, демонстрирующая общение незнакомых друг с другом людей. В ней девушка, работающая в магазине игрушек, обращается к Ярле с вопросом «*Kan jeg hjelpe **deg**?»* [Renberg 2008: 199] *Могу я **вам** помочь?* [Ренберг 2011: 241] Как мы видим, в норвежском тексте использована косвенная форма местоимения *du*, тогда как в русском переводе мы сталкиваемся с косвенной формой местоимения «вы». Это служит доказательством того, что в ситуации общения друг с другом незнакомых людей функции местоимения *du* не совпадают с функциями русского местоимения «ты».
- 3) Приведём в пример ещё одну сцену, в которой местоимение *du* переводится как «вы», поскольку используется в разговоре незнакомых друг с другом людей. Речь идёт о беседе между Хердис Снартему, бывшей подругой Ярле, и Анеттой Хансен, матерью Шарлотты, на праздновании дня рождения Шарлотты. Обращение на «вы» присутствует как в обращении Хердис к Анетте, так и в обращении Анетты к Хердис:

«Ja?» repliserte Herdis og la inn en pause, «men, hvis jeg får lov til å spørre – hva mener **du** når **du** sier at han «går i taket?»» [Renberg 2008: 317]

- Да? – откликнулась на это Хердис и сделала значительную паузу. – Но позвольте тогда спросить: что **вы** имеете в виду, говоря, что он «на стенку лезет»? [Ренберг 2011: 394]

«Nei,» sa Anette, «angret? Ikke et sekund. Hvis **du** noen gang får barn selv, så kommer **du** til å forstå hva jeg snakker om.» [Renberg 2008: 320]

- Да нет, - сказала Анетта, - о чем же жалеть? Ни секунды. Если у вас когда-нибудь будут свои дети, **вы** поймете, о чем я говорю. [Ренберг 2011: 398]

3.3 Ситуации общения с родными и близкими

К своей шестилетней дочери Шарлотте Исабель герой обращается на «ты» в русском переводе (как и она к нему), хотя видит её впервые и раньше даже не подозревал о её существовании. Местоимение «ты» здесь выступает показателем высокой степени родства:

1) «Hei,» fikk han fram, «hei, det er jeg som er ... ja, Jarle, eller ...» – han svelget – «faren **din**.»

Hun så hurtig opp på ham og viste fram et par store, blå øyne. «Nei,» sa hun og avslørte en spinkel, nasal østlandsdialekt, «**du** er pappa.» [Renberg 2008: 73]

- Привет, - выдавил он, - привет, это я... да, Ярле, или... - он сглотнул, - **твой** отец.

Она быстро глянула на него и показала пару больших голубых глаз.

- Нет, - сказала она в нос, разоблачив тонкоголосый диалект Восточной Норвегии, - **ты** папа. [Ренберг 2011: 82-83]

Пример общения членов семьи мы также находим в романе Х. Ури «De beste blant oss»:

2) - Jeg er forelsket, sier han med en gang moren åpner døren. <...>

- Det er **du** jo alltid, svarer moren. - **Du** er da alltid forelsket i en eller annen kvinne. [Uri 2007: 122]

В переводе этого романа на русский язык используется местоимение «ТЫ»:

- *Я влюбился, - выпалил Пол, как только мама открыла дверь. <...>*

- **Ты** всегда влюбляешься, - ответила Марен. - **Ты** всегда влюблен в какую-нибудь женщину. [Ури 2010: 134]

Ещё один пример из того же романа:

3) - Tenk om jeg ikke klarer å skrive mer! er morens faste innvending.

- Gjør det noe? spør han så. - **Du** kan jo bare førtidspensjonere deg, gå turer, reise, være sammen med venninnene dine. [Uri 2007: 126]

- *Только представь, что я больше не смогу писать! - постоянно возражает мама.*

- *Ну и что? - говорит тогда он. - Ты можешь выйти на пенсию раньше срока, гулять, путешествовать, общаться с подругами.* [Ури 2010: 138]

3.4 Общение представителей разных поколений

В романе «Шарлотта Исабель Хансен» есть эпизод, когда Ярле вместе с дочкой идёт вечером к венесуэльскому лавочнику Эрнану. Вот первые слова, которые произносит Шарлотта Исабель, обращаясь к Марисабель, жене Эрнана, и к самому лавочнику:

Charlotte Isabel snudde seg. «Hei,» sa hun til Marisabel før hun vendte seg til Hernán, «jeg trodde **du** het Herman, jeg.» [Renberg 2008: 91]

Шарлотта Исабель обернулась.

- *Здравствуйте, - сказала она Марисабель, потом повернулась к Эрнану. – А я думала, что вас зовут Герман, вот.* [Ренберг 2011: 106]

Мы видим, что в оригинале девочка в обращении к взрослым использует местоимение *du*. Точнее сказать, она употребляет это местоимение в приведённом отрывке только в отношении Эрнана; но и приветствуя

Марисабель, Шарлотта Исабель использует приветствие *Hei Prøvet*, а не более официальное *God kveld* (досл. *Добрый вечер*), соответствующее русскому «Здравствуйте».

В русском же переводе девочка обращается к лавочнику и его жене на «вы». Использование такого обращения служит здесь маркером вертикальной дистанции, указывая на более высокий возрастной статус собеседников девочки. Если бы Шарлотта Исабель в русском переводе употребила по отношению к лавочнику или его жене местоимение «ты», то её можно было бы считать невоспитанной.

В том и заключается разница между использованием местоимения *du* в подобной ситуации в норвежском и местоимения «ты» - в русском: местоимение *du* сейчас употребляется как нейтральное, тогда как русское «ты» в переводе, употреблённое не к месту, может привнести в образ героя излишнюю неотёсанность. В рассматриваемом нами переводе удалось избежать последнего благодаря использованию обращения на «вы».

3.5 Детское общение

В романе есть также сцена знакомства двух маленьких девочек, Шарлотты Исабель (Лотты), и дочери Эрнана и Марисабель, Ингрид.

«Jeg heter Lotte, vil **du** ha en ting fra lørdagsgodtet mitt? Jeg kommer fra Skien, og det er pappaen min, men mor er i Syden, og jeg har sett begravelsen til Diana, hva heter **du**?»

«Ingrid,» sa den lille jenta <...>. «Jeg heter Ingrid. Er Morgenbladet faren **din**?» [Renberg 2008: 93]

- Меня зовут Лотта, *хочешь* чего-нибудь из моего пакета? Я приехала из Шеена, а этой мой папа, а мама на юге, и я видела похороны Дианы, а как *тебя* зовут?

- Ингрид, - сказала девочка, <...>. – Меня зовут Ингрид. Это *Мorgenbladet* *твой* папа? [Ренберг 2011: 109]

Здесь использование в переводе обращения на «ты» полностью оправданно, поскольку для русскоговорящих детей примерно одного возраста,

как в рассматриваемом романе, совершенно естественно обращаться друг к другу подобным образом. Функции местоимений «ты» и du, таким образом, совпадают в ситуации детского общения.

3.6 Ситуации общения «студент – преподаватель»

Рассмотрим теперь другой эпизод. Ярле бросает подруга, Хердис Снартему, сообщая при этом, что она любит Роберта Гётеборга, их преподавателя. Напившись вечером, Ярле подходит к дому Хердис и видит в окно, что она с профессором Гётеборгом. Разъярённый, Ярле бросился к двери, и, когда Хердис ему открыла, стал поносить профессора на чём свет стоит:

«**Din** forbanna sydsvenske fittehund,» avbrøt Jarle og pekte. « <...> Kan **du** ikke skaffe deg noen damer på din egen skrukkete alder?» [Renberg 2008: 176]

- *Ах ты, вонючий южношведский кобель!* – прервал его Ярле, тыча пальцем. - <...> *Что, сам себе не можешь бабу найти, твоего собственного скукоженного возраста?* [Ренберг 2011: 213]

Заметим, что русское «ты» может использоваться в ситуации крайнего эмоционального напряжения. В рассматриваемой сцене Ярле, к тому же, пьян, и его совершенно не останавливает более высокий социальный статус собеседника, то есть то, что перед ним – профессор. Для сравнения стоит упомянуть, что находящийся рядом с главным героем друг по имени Хассе, тоже ученик Гётеборга, в русском переводе обращается к профессору на «вы», что соответствует общепринятым с точки зрения русского языка правилам обращения студента к преподавателю (это мы понимаем благодаря использованию в тексте формы множественного числа – «извините»):

- *Привет, Роберт!* - ляпнул Хассе, стоявший позади Ярле, в полуметре от него. – *Извините уж, пожалуйста, что мы тут...* [Ренберг 2011: 213]

Сам профессор обращается к Ярле на «вы» в продолжение всей сцены (в переводе). В оригинале он говорит на шведском языке, используя местоимение du. Сравним:

«Jarle, jag ber **dig**, var nu inte →»

«**Du** er førtifem, mann! Før-ti-fem! Forstår **du**?!» [Renberg 2008: 177]

- Ярле, я **вас** прошу, не будьте же...

- Мужик, **тебе** сорок пять лет! Со-рок пять! **Ты** понимаешь?! [Ренберг 2011: 214]

Таким образом, в русском переводе отчётливо видно, что Ярле в данном эпизоде словно стирает своим обращением на «ты» статусные различия между собой и профессором, тогда как сам профессор продолжает держать себя в рамках «преподаватель – студент». То, что и в тексте оригинала оба героя держат себя различным образом, становится понятно в силу использования автором других лексических средств, которые тоже находят отражение в переводе. Имеется в виду употребление Ярле ругательств и их отсутствие в речи профессора, а также авторская характеристика речи героев.

Рассмотрим также сцену общения Ярле с ранее упомянутым профессором Робертом Гётеборгом, состоявшуюся в стенах университета. Это их первый разговор после того случая, когда Ярле напился. На этот раз в переводе Ярле обращается к профессору на «вы», что легко объяснимо: ведь теперь Ярле уже не в таком состоянии, как во время предыдущей «беседы», им уже не владеет неконтролируемый гнев, он снова держит себя в рамках «студент – преподаватель».

«Nettopp,» sa Jarle noe forvirret, «uansett, jeg ville gjøre det helt klart at jeg akter å fullføre Proust-studiene mine – ja, *selvsagt* med **deg** som veileder, om **du** nå skulle ha tvilt på det.» [Renberg 2008: 260]

- *Вот именно, - сказал Ярле в некотором замешательстве, - но не важно, я хотел пояснить, что намереваюсь довести своё исследование творчества Пруста до конца – и да, разумеется, под **вашим** научным руководством, если у **вас** были по этому поводу какие-либо сомнения.* [Ренберг 2011: 320]

Профессор, наоборот, использует в обращении к Ярле местоимение 2-го лица единственного числа «ты», и это подчёркивает стремление профессора придать разговору неформальный, приятельский характер, профессор держит себя снисходительно по отношению к главному герою. Впрочем, не будем долго задерживаться на речи профессора, поскольку здесь речь идёт уже о переводе со шведского.

Примеры из романа Х. Ури «De beste blant oss» и его перевода на русский язык:

Jeg har allerede forklart **deg** hvorfor det avsnittet ikke kan stå sånn. [Uri 2007: 11]

- *Я уже объясняла **вам**, почему этот отрывок нельзя оставить в подобном виде.* [Ури 2010: 11]

Vet **du** hva? Jeg tror rett og slett at vi begge kaster bort tiden, fortsetter Edith Rinkel utsøkt vennlig. [Uri 2007: 11]

- ***Знаете** что? На самом деле я думаю, что мы с **вами** впустую тратим время,* - продолжает Эдит Ринкель подчеркнуто дружелюбно. [Ури 2010: 11-12]

Итак, мы видим, что в ситуации общения «студент-преподаватель» норвежское местоимение *du* несёт ту же функцию, что и русское местоимение «**вы**».

3.7 Общение при наличии большой статусной дистанции

В романе «Шарлотта Исабель Хансен» также есть сцена, в которой мучимый внутренними терзаниями и сбитый с толку Ярле заводит воображаемую беседу со своим кумиром Марселем Прустом. В оригинале используется местоимение 2-го лица единственного числа:

Nettopp, sa Jarle, **du** forstår. Skal man utrette noe stort i tenkningens verden, kan man ikke dra rundt på små døtre, Monsieur Proust. [Renberg 2008: 186]

В переводе Ярле обращается к французскому писателю на «**вы**»:

- *Вижу-вижу,* - сказал Ярле, - **вы** понимаете. Если человек настроен совершить нечто великое в мире мысли, то не может же он всюду таскать за собой маленьких дочерей, месье Пруст? [Ренберг 2011: 224-225]

Ярле обращается к человеку, которого он боготворит, которому поклоняется, ведь Пруст, согласно тексту романа, является для него большим авторитетом. Таким образом, здесь мы имеем дело не только с горизонтальной дистанцией, но и с вертикальной, то есть статусной: Ярле ставит Пруста выше

себя. Поэтому использование местоимения 2-го лица множественного числа в переводе представляется вполне закономерным.

Пруст на протяжении сцены использует местоимение в качестве обращения к Ярле один раз. Речь идёт, разумеется, о местоимении du: **Du** må elske henne, sa Marcel Proust. Alt annet er comédie. Alt annet er tristesse. Alt annet er misère. [Renberg 2008: 187]

В переводе употребляется местоимение 2-го лица единственного числа «ты»: - *Ты должен её любить*, - сказал Марсель Пруст. – *Все остальное – комедия. Всё остальное – печаль. Всё остальное – несчастье.* [Ренберг 2011: 227] Этот выбор местоимения кажется логичным, поскольку в данной ситуации, которая, к тому же, разыгрывается в воображении Ярле, Пруст выступает в роли советчика, духовного наставника главного героя романа. Кроме того, не стоит забывать о том, что вся сцена является плодом воображения Ярле.

Итак, местоимение du в современном норвежском языке по функциям сходно не только с русским местоимением «ты», но и с местоимением «вы» - в том смысле, что оно тоже может употребляться по отношению к человеку, имеющему более высокий статус, в обращении к авторитету.

3.8 Деловая переписка

В романе есть эпизод, когда Ярле читает письмо из редакции газеты, в котором ему сообщают, что отказываются печатать его работу. В норвежском тексте использовано местоимение 2-го лица единственного числа, тогда как в русском переводе употреблено местоимение 2-го лица множественного числа «вы».

Vi har i lengre tid vurdert teksten **din**. [Renberg 2008: 261]

*«Мы постарались внимательно и без спешки проанализировать присланный **Вами** текст».* [Ренберг 2011: 321]

Такой выбор местоимения при переводе представляется единственно правильным в данной ситуации, поскольку отвечает нормам деловой переписки. И вновь мы видим, что функции местоимения du совпадают с функциями русского местоимения «вы».

Выводы по главе 3

Сравнив норвежское художественное произведение с его переводом на русский язык, мы пришли к следующим выводам:

- 1) В ситуации общения членов семьи норвежское *du* аналогично русскому «ты», даже если собеседники принадлежат к различным поколениям;
- 2) В ситуации детского общения нейтральное соответствие норвежскому *du* – русское «ты»;
- 3) В случае обращения детей к взрослым на месте норвежского *du* используется русское «вы» в качестве вежливого и нейтрального: здесь ключевую роль играет принадлежность собеседников к разным поколениям и отсутствие между ними близких отношений;
- 4) В ситуации общения незнакомых людей имеет место большая горизонтальная дистанция, норвежскому местоимению *du* соответствует русское «вы» как наиболее нейтральное;
- 5) При переводе элементов деловой переписки с норвежского может быть уместным использование русского местоимения «вы»;
- 6) При переводе на русский язык ситуации общения «преподаватель – студент» нейтральным будет использование местоимения «вы» (обратим внимание на то, что в подобной ситуации общения вертикальная дистанция может быть выражена не только в различном социальном статусе собеседников, но и в разнице в возрасте). Однако в случае, если общение не укладывается в рамки нейтрального, при переводе возможно употребление местоимения «ты»: как со стороны одного собеседника, так и со стороны другого.
- 7) Если отношения между собеседниками имеют неопределённый характер (при отсутствии значимой вертикальной дистанции), то в переводе возможны колебания, т. е. попеременное использование местоимений «вы» и «ты», в зависимости от темы беседы и характера ситуации.

Глава 4. Сравнительный анализ использования местоимений в качестве обращения к одному лицу в различных типах текстов

В предыдущих главах мы сравнивали переводы и оригиналы художественных текстов. В данной главе мы рассмотрим, какие местоимения употребляются в норвежском и русском языках в других стилях речи с целью нахождения наиболее подходящих вариантов перевода этих местоимений в рамках этих стилей.

4.1 Тексты рекламного характера

Начнём с текстов рекламного характера. «**Реклама** (от лат. *reclamare* – выкрикивать) – информация, распространённая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/r/abc_advertising/].

Для достижения наиболее точных результатов мы отбирали на обоих языках тексты одной тематики. Также мы выбирали сайты именно норвежских и российских производителей, чтобы тексты были оригинальными, а не переводными.

Именно поэтому мы сравнивали тексты с сайтов норвежского производителя молока и молочных продуктов TINE и аналогичных российских производителей «Весёлый Молочник» и «Простоквашино». Примеры:

Du er ikke alene. 1.283.122 nordmenn gleder seg til å komme hjem til iskald Tinemelk etter ferien **Ты** не одинок. 1.283.122 норвежцев не терпится вернуться из отпуска домой, к ледяному молоку «Tinemelk»¹⁰.

¹⁰ Здесь и далее перевод примеров принадлежит автору данной магистерской диссертации, если обратное специально не оговорено.

[<http://www.tine.no/merkevarer/tinemelk/reklamefilmer/smaker-melken-annerledes-i-utlandet-reklamefilm-tinemelk?autoplay=true>]

Etter å ha vært i dvale i noen tiår er melkemannen endelig tilbake. Og han har med seg små melkeflasker som **du** kan drikke på farta. Kjekt, ikke sant? Følg gjerne melkemannens hverdag på Snapchat: @tine_sa *После нескольких десятилетий спячки молочник наконец вернулся. Он принёс с собой бутылки молока в мини-формате, из которых **ты** можешь пить в дороге. Правда, удобно? Следи за буднями молочника в «Snapchat»: @tine_sa*

[<http://www.tine.no/merkevarer/tinemelk/reklamefilmer/reklamefilm-tinemelk-melkemannen-er-tilbake?autoplay=true>]

Tinemelk® kommer fra gårder i regionen der **du** bor *Молоко «Tinemelk» приходит с ферм твоего региона (досл. с ферм региона, где **ты** живёшь)* [<http://www.tine.no/merkevarer/tinemelk/produkter/tinemelk-helmelk-3-5-fett>]

«Весёлый Молочник решил провести конкурс «Усатое настроение» в рамках акции «Секрет Хорошего Настроения». Присоединяйся и **ты** к компании весёлых усатых людей!» [<http://www.veseliy-molochnik.ru/about-brend/novosti/>]

«**Сфотографируйся с Веселым молочником!**» [<http://www.veseliy-molochnik.ru/about-brend/novosti/photo-room/>]

Но: «Даже обычные продукты могут поднять настроение, если они от «Весёлого Молочника»! Ведь продукты Весёлого Молочника всегда свежие, качественные, вкусные и доступные по цене! Только такие продукты могут создавать хорошее настроение и радовать **Вашу** семью каждый день!» [<http://www.veseliy-molochnik.ru/about-brend/history/>]

На сайте <http://prostokvashino.ru/club> используется обращение на «вы»: «У продуктов молоко, кефир, закваска, ряженка **Вы** найдете коды под крышкой, у продуктов сметана и зерненный творог без наполнителя – на обратной стороне этикетки».

Итак, в качестве обращения на норвежском сайте нам встречалось из местоимений только du. На сайтах российских производителей употребляется и

местоимение «вы», и местоимение «ты», в том числе в пределах одного и того же сайта.

Нами был также просмотрен ряд сайтов норвежских («Moods of Norway», «Bergans», «Cubus») и российских («befree», «oodji», «Kira Plastinina», «Elena Furs») марок одежды. На норвежских сайтах употребляется местоимение du (а не De):

Moods of Norways barnekolleksjon er designet for lek og moro både til hverdags og fest. Her finner **du** alt fra ullundertøy i deilig og slitesterk merinoull til søte kjoler og fine skjorter *Детская коллекция марки «Moods of Norway» подходит для игр и веселья, как в будни, так и в праздники. Здесь **вы** (досл. **ты**) найдёте всё: начиная с нижнего белья из восхитительной и прочной мериносовой шерсти и заканчивая очаровательными платьицами и отличными рубашками* [<https://www.moodsofnorway.com/no/kids>]

Bergans' leveranser av dun testes også ved International Down & Feather Laboratory (IDFL) før produksjon. Dette garanterer både **deg** og oss høy kvalitet og ren dun som er etisk produsert *Пух, который поставляют в «Bergans», также проходит контроль в Международной лаборатории исследований пуха и пера. Это гарантирует и **вам** (досл. и **тебе**), и нам высокое качество и чистый пух, произведённый в соответствии с этическими нормами.*

[<https://www.bergans.com/About-us/Product-Developement/Materials-selection>]

Gode venner tar vare på og hjelper hverandre, og gir hverandre tips, råd og fordeler. Som **din** venn ønsker vi å gjøre nettopp det - gi **deg** vennlige tips, gode rabatter og en best mulig handleopplevelse hos oss. *Хорошие друзья заботятся и помогают друг другу, а также дают друг другу советы и всячески поощряют. Будучи **твоим** другом, мы хотим делать то же самое: дарить тебе дружеские советы, приятные скидки и наилучший шопинг.*

[<https://cubus.com/no/bedriftssider/kundeservice/cubus-friends-kundeklubb/hva-er-cubus-friends/>]

На сайтах российских марок одежды встречается обращение к посетителю сайта и на «вы», и на «ты» - в зависимости от того, как марка себя позиционирует. Например, на сайтах магазинов молодежной одежды «befree» и «Kira Plastinina» используется обращение на «ты»:

«В каждой нашей коллекции **ты** найдешь идеальное платье или классные джинсы не дороже 1000 рублей». [<https://www.befree.ru/melon-fashion-group/>]

«Стильные платья-футляры, жакеты строгого кроя и идеально сидящие блузки: в новом сезоне **тебе** точно потребуется обновить рабочий гардероб!»

[<http://kiraplastinina.ru/catalog/?themes=sFwvMUOR>]

Впрочем, в разделе «Доставка и оплата» на сайте марки «Kira Plastinina» используется обращение на «вы»:

«Если какой-либо товар **Вам** не подошел, **Вы** можете вернуть его курьеру (частичный отказ)» [<http://kiraplastinina.ru/delivery/>].

На сайте «oodji» последовательно используется местоимение «вы». Например:

«Выберите страну и город, чтобы найти ближайший к **Вам** магазин!» [<http://www.oodji.com/map/>]

На сайте «Elena Furs» встречаются оба вида обращения:

Реклама распродажи: «**Лови** момент! Время покупать шубу с выгодой!» <https://elenafurs.ru/>

Но: «Желаем **Вам** найти именно ту шубу, о которой **Вы** мечтаете!» <https://elenafurs.ru/>

На странице про карту ценителей меха параллельно употребляются обе формы обращения: и на «вы», и на «ты»:

Но: «**Успей** оформить карту до конца марта и **получи** бонусы на карту!» [<https://elenafurs.ru/cards/fur/>]

И: «Став обладателем карты, **вы** автоматически получаете...» [Там же]

Таким образом, на норвежских сайтах употребляется обращение на du, тогда как De нам ни разу не встретилось, а на сайтах российских марок одежды встречается обращение и на «вы», и на «ты», в том числе в пределах одного сайта и даже одной страницы сайта.

Проанализировав сайты норвежских и российских производителей на предмет использования интересующих нас местоимений в качестве обращения, мы можем прийти к следующим выводам. Во-первых, при переводе текстов подобного характера с русского языка на норвежский оптимальным будет использование местоимения *du*. Во-вторых, при переводе текстов с норвежского языка на русский следует учитывать целевую аудиторию (например, если марка ориентирована на юных потребителей, то использование местоимения «ты» будет вполне уместно) и следить за тем, чтобы употребление выбранного обращения было, по возможности, последовательным.

4.2 Рецепты

Также мы проанализировали на предмет интересующих нас местоимений рецепты на норвежском и русском языках. Что касается норвежских рецептов, нами было просмотрено 11 рецептов из журнала «КК», первые два раздела сборника рецептов магазина «KIWI» (в сумме - 10 рецептов) [Godt og billig: 9-29], а также сборники рецептов «Svinekjøtt: Spennende og enkelt» и «Kjøttdeig & karbonadedeig fra norsk storfe». Ни в одном из рецептов не встретилось обращение на «вы». Местоимение *du*, однако, встретилось по меньшей мере 50 раз, например:

Du kan også legge alle ingrediensene i en bolle og smuldre deigen sammen med fingrene *Можно также* (досл. **Ты** также можешь <...>) *положить все ингредиенты в миску и измельчить тесто при помощи пальцев* [КК 2016: 135].

La steken hvile mens **du** gjør ferdig tilbehør og saus *Оставив жаркое стоять, закончить приготовление гарнира и соуса* (досл. *Оставь жаркое стоять, пока ты не закончишь приготовление гарнира и соуса*) [Svinekjøtt: Spennende og enkelt: 26].

Varmer **du** hamburgerbrødene i grillen eller i en grillpanne blir de ekstra gode! *Булочки для гамбургеров получатся особенно вкусными, если разогреть их на гриле или на сковороде-гриль* (досл. *Если ты разогреешь булочки для гамбургеров на гриле или на сковороде-гриль, они получатся особенно вкусными*) [Kjøttdeig & karbonadedeig fra norsk storfe: 14]

Также мы ознакомились с рецептами на русском языке. На сайте журнала «Лиза» <http://lisa.ru/category/recepty/> нами было просмотрено 15 рецептов с пошаговыми инструкциями. В семи из них в самих инструкциях использован инфинитив, но в комментариях к двум из них употреблено обращение на «ты»:

«Мы приготовили для **тебя** подробнейшую инструкцию, как приготовить домашнее крем-брюле с ликером всего из шести ингредиентов!» [<http://lisa.ru/domashniy-krem-bryule/>]

«Никакие, даже самые дорогие продукты из магазина не сравнятся с теми, которые **ты** делаешь сама. Пошаговый рецепт домашнего мягкого сыра». [<http://lisa.ru/kak-prigotovit-myagkiy-syr-v-domashnikh-ysloviah/>]

В одном рецепте вначале использовано местоимение «вы»:

«Профитроли и эклеры **вы** теперь будете готовить каждые выходные! Достаточно лишь освоить этот беспроигрышный рецепт заварного теста» [<http://lisa.ru/samyj-udachnyj-recept-zavarnogo-testa-foto/>].

Впрочем, возможно, здесь имеется в виду обращение во множественном числе.

Далее (и во вступлении, и в самой инструкции) используется обращение на «ты»:

«Действительно, заварное тесто требует особого внимания, и мы постараемся научить **тебя** работать с ним» [<http://lisa.ru/samyj-udachnyj-recept-zavarnogo-testa-foto/>].

«На огне держи не более 3 мин, после чего дай остыть. Это очень важно, иначе яйца, которые **ты** будешь добавлять, заварятся, и ничего хорошего не получится» [<http://lisa.ru/samyj-udachnyj-recept-zavarnogo-testa-foto/>].

Мы просмотрели ещё семь пошаговых инструкций на сайте журнала «Лиза». В общем вступлении к этим рецептам (так как они находятся на одной странице сайта) использовано обращение на «вы»:

«Хотите, чтобы шашлык таял у **вас** во рту? Замаринуйте его в специальном соусе» [<http://lisa.ru/prostye-marinady-dlya-shashlyka-8-luchshikh-receptov/>].

В самих инструкциях тоже используется обращение на «вы», что мы понимаем благодаря использованию глагола в форме множественного числа повелительного наклонения:

«**Нарежьте** мясо кусочками среднего размера, **засыпьте** его сухими специями, **посолите** и тщательно **перемешайте**» [<http://lisa.ru/prostye-marinady-dlya-shashlyka-8-luchshikh-реceptov/>].

Само местоимение «вы» в рецептах также может использоваться (вновь непонятно: как обращение в единственном числе или во множественном), например:

«Время запекания картофеля в духовке зависит от его размера. Если **вы** нарежете его тонкими ломтиками, то потребуется 20-30 минут <...>» [http://www.delishis.ru/klatch/nklatch_213.html].

Также было изучено 17 рецептов на сайте <http://www.straus.ru/cafe/cafe-реcepty/72>, в результате чего было обнаружено, что в 10 из них используется инфинитив, а в 7 – обращение на «вы» (но не совсем понятно, имеется в виду обращение в единственном числе или во множественном):

«**Положите** масло, мясо страуса и порезанные грибы в кастрюлю и обжарьте. **Охладите**. В миске **смешайте** мясную смесь, бобы, сыр, лук, перец и оливки». [<http://www.straus.ru/cafe/cafe-реcepty/72>]

Есть и инструкции, где используется форма первого лица множественного числа:

«**Поливаем** филе растительным маслом, **добавляем** цедру лимона с базиликом и соль. Равномерно **распределяем** все специи. **Накрываем** пленкой, оставляем на 30-60 минут, чтобы куриное мясо хорошо замариновалось». [<http://www.koolinar.ru/recipe/view/131703>]

Таким образом, в норвежских рецептах широко используется местоимение du. Местоимение De в отобранных рецептах не встретилось ни разу. В русском языке в тексте самих инструкций используется либо инфинитив, либо глагол в форме множественного числа повелительного наклонения, либо глагол в форме первого лица множественного числа, либо. Встречается и местоимение «ты», и местоимение «вы».

Исходя из этого можно сделать вывод, что при переводе рецептов с русского на норвежский следует использовать местоимение *du*, а при переводе с норвежского на русский наиболее нейтральным вариантом будет опускание местоимения второго лица и использование инфинитива глагола. Это может быть актуально и при переводе других инструкций.

4.3 Тексты официально-делового стиля

Говоря об использовании местоимений в официально-деловом стиле норвежского языка, необходимо отметить, что в Норвегии в последнее время стремятся использовать в административной сфере «ясный язык» взамен традиционного бюрократического. «Ясный язык» - это корректный, понятный, ориентированный на читателя язык официальных документов» [Klarspråk i praksis 2010: 9]. Для него характерно, в частности, стремление избегать чрезмерно длинных слов и предложений, а также использовать более лёгкие для восприятия синтаксические структуры.

Для сравнения традиционного официально-делового стиля и «ясного языка» на предмет употребления интересующих нас обращений, мы рассмотрели инструкцию к техническому паспорту транспортного средства в двух вариантах: соответственно, один из них написан в традиционном официально-деловом стиле, а другой отвечает норме «ясного языка».

Мы заметили, что в тексте, написанном «ясным языком», часто используется личное местоимение второго лица единственного числа *du ты*, в то время как в традиционном тексте оно совсем не употребляется – там исключается прямое обращение к читателю. Примеры употребления местоимения *du* в тексте, написанном «ясным языком»:

Du må sørge for at del 1 av vognkortet alltid ligger i kjøretøyet. **Вы** должны следить за тем, чтобы первая часть технического паспорта всегда находилась в транспортном средстве [Eklund 2013: 30].

Har **du** mistet en av vognkortdelene? **Вы** потеряли одну из частей технического паспорта? [Eklund 2013: 30]

Итак, в тексте, написанном в традиционном официально-деловом

стиле, обращение не употребляется вовсе: нам не встретилось ни местоимения De, ни, тем более, du. В тексте же, написанном «ясным языком», используется местоимение du.

Если мы обратимся к 36 слайду презентации Хейди Бюнес Эклунн (Heidi Bunæs Eklund) «Что такое «ясный язык»?» (*Hva er klarspråk?*), представленной на семинаре для преподавателей норвежского языка (ISS, июнь-июль 2013), то обнаружим среди принципов написания чётких и понятных текстов следующий: Vi henvender oss direkte til dem vi skriver til, ved å bruke *du* og *dere* Мы используем прямое обращение к тем, кому пишем, употребляя местоимения *du* ты и *dere* вы [Eklund 2013: 36]. Поясним, что *dere* в норвежском языке – это местоимение 2-го лица множественного числа, использующееся в качестве обращения ко многим.

Однако «ясный язык» в Норвегии используется отнюдь не всегда. Мы просмотрели на сайте lovdata.no законы или поправки к законам из различных сфер:

<https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2017-04-05-15> <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2016-12-20-106>

<https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2014-06-20-51>,

и обнаружили, что ни местоимение De, ни местоимение du там не встречаются: прямое обращение отсутствует.

Мы посмотрели главу 1 <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>, а также главу 2 <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> первого раздела Конституции Российской Федерации и обнаружили, что там тоже не встречается ни местоимение «ты», ни местоимение «вы».

Также мы зашли и на сайт с норвежскими законами, переведёнными на русский язык. В них упомянутые местоимения также не встретились – см., например, перевод закона о маркетинге http://www.norge.ru/legal_marketing/.

Далее мы проанализировали использование местоимений на сайте Стуртинга, норвежского парламента, и обнаружили, что там встречается обращение на du, например:

Her finner **du** alle publikasjonene fra regjeringen og Stortinget for statsbudsjettet, informasjon om arbeidsplaner m.m. *Здесь **вы** (досл. **ты**) найдёте все публикации правительства и Стуртинга, касающиеся государственного бюджета, а также сведения о рабочих планах и др.*

[<https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Statsbudsjettet/Statsbudsjettet-2014/>]

Visste **du** at alle stortingsmøter er åpne for publikum? *А **вы** (досл. **ты**) знали, что все заседания Стуртинга открыты для публики?*

[<https://www.stortinget.no/no/Stottemeny/kontakt/Besok-og-adgang-til-moter-og-horinger/>]

В тексте на той странице сайта, к которой относится последний пример, **du** (в начальной форме) встретилось 17 раз, тогда как местоимение **De** – ни разу.

На сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации <http://cikrf.ru/> тоже используется обращение на «ты», что мы понимаем благодаря форме глагола: «**Найди** свой избирательный участок», «**Найди** себя в списке избирателей». Обращение на «вы» на сайте, однако, тоже присутствует: «**Выберите** субъект или группу субъектов» [<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>].

Опыт неоднократной деловой переписки автора данной магистерской диссертации с норвежцами показал, что в электронных письмах норвежцы используют обращение на **du**.

Для российской деловой переписки характерно использование уважительной формы «вы». Впрочем, в общении молодых сотрудников используется обращение на «ты». В книге «Русско-французские речевые параллели в темах и ситуациях» говорится следующее: «В профессиональном общении для средней и старшей возрастных групп наиболее характерно обращение по имени и отчеству и на «вы», если собеседники связаны только официальными отношениями. Молодые люди даже в служебной обстановке

обычно называют друг друга по имени и на «ты»¹¹ [Арутюнов 1990: 10] Несмотря на то, что упомянутая книга была издана в 1990 году, исходя из своего опыта работы мы можем утверждать, что приведённая цитата актуальна и сейчас.

Таким образом, в официально-деловом стиле норвежского языка либо используется в качестве обращения в единственном числе местоимение *du*, либо прямое обращение отсутствует вовсе, как в законах. Отсутствие прямого обращения характерно и для российских текстов юридической направленности. На сайтах государственных органов используются следующие местоимения: *du* – в норвежском языке, «ты» и «вы» - в русском языке. Поэтому при переводе необходимо учитывать в первую очередь характер текста.

Что касается деловой переписки, в случае перевода писем на норвежский язык будет уместным использование местоимения *du*, тогда как в случае перевода писем с норвежского языка на русский выбор местоимения может зависеть от возраста коммуникантов.

4.4 Случаи использования *De* в современном норвежском языке

Рассмотренный в данной диссертации современный языковой материал вызывает вопрос: неужели в современном норвежском языке местоимение *De* совсем не используется?

Используются, но крайне редко. Например, в приглашении на приём по случаю открытия Международной летней школы в Осло: OSLO KOMMUNE har gleden av å invitere **Dem** til mottakelse i Oslo rådhus mandag 27. juni 2016 kl. 20:30 i anledning DEN INTERNASJONALE SOMMERSKOLE 2016 *Коммуна Осло имеет честь пригласить Вас в понедельник 27 июня в 20:30 на приём в Ратушу Осло по случаю открытия МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ 2016.*

¹¹ Так как книга предназначена для изучающих русский язык, в оригинальном тексте над словами стоит ударение. Поскольку для целей данного исследования ударение не играет роли, значки ударения в цитате были убраны.

Пример употребления местоимения De также можно обнаружить в надписи на спинке сиденья в самолёте норвежской авиакомпании Widerøe: Fast sikkerhetsbeltet når **De** sitter *Сохраняйте ремни безопасности пристёгнутыми на протяжении всего полёта* (досл. <...> когда **Вы** сидите). Заметим, что, согласно сайту <http://www.wideroe.no/om-wideroe/om-selskapet>, самолёты авиакомпании были сконструированы между 1990 и 2010 годами, то есть много лет спустя после всеобщего перехода на du.

Также De может употребляться в текстах шутливого характера для создания дополнительного юмористического эффекта, как в заметке Slik blir **De** forfatter *Как стать писателем* (досл. Так **Вы** станете писателем), написанной Х. П. Трейдером (H. P. Treider)¹². Приведём в качестве примера первые строки текста: Siden bøker er blitt uforholdsmessig dyre, kan det være en idé å skrive dem selv. Det er enklere enn **De** tror:

- 1) Spiss blyanten.
- 2) Legg hodet i bløt.
- 3) La det ligge natten over.

*Поскольку книги сейчас стали непомерно дорогими, то почему бы не начать писать их самому. Это проще, чем **Вам** кажется:*

- 1) Заточите карандаш.
- 2) Замочите голову.
- 3) Оставьте её на ночь.

[Hjemme 38-01]

Выводы по главе 4

Итак, соберём воедино факторы, которые необходимо учитывать при переводе текстов различной направленности.

При переводе с русского на норвежский:

- 1) При переводе текстов рекламного характера нейтральным будет использование местоимения du;

¹² Заметка была опубликована в журнале «Hjemme», № 38, 2001.

- 2) При переводе рецептов рекомендуется использовать местоимение du;
- 3) При переводе текстов, относящихся к официально-деловому стилю, допустимо два варианта: либо местоимение du, либо отсутствие прямого обращения (в последнем случае стиль будет более консервативным);
- 4) Что касается деловой переписки, в случае перевода писем на норвежский язык будет уместным использование местоимения du;
- 5) В официальных пригласительных открытках «Вы» можно переводить как De;
- 6) Также De можно использовать в текстах шуточного характера для создания дополнительного юмористического эффекта.

При переводе с норвежского на русский:

- 1) При переводе текстов рекламного характера следует учитывать целевую аудиторию (например, если марка ориентирована на юных потребителей, то использование местоимения «ты» будет вполне уместно) и следить за тем, чтобы употребление выбранного обращения было, по возможности, последовательным;
- 2) При переводе рецептов и других инструкций наиболее нейтральным вариантом будет опущение местоимения второго лица и использование инфинитива глагола;
- 3) При переводе текстов, относящихся к официально-деловому стилю, возможно опускание прямого обращения, что актуально для текстов юридической направленности. В случае с текстами с сайтов официальных учреждений норвежскому du могут соответствовать в русском языке как местоимение «вы», так и местоимение «ты»;
- 4) В деловой переписке при выборе местоимения необходимо учитывать возраст коммуникантов.

Заключение

Как мы выяснили в первой главе данной магистерской диссертации, терминология в отношении местоимений окончательно не устоялась. Единого мнения среди лингвистов нет и относительно частеречной принадлежности местоимений. Учёными, тем не менее, признаётся наличие у местоимений их основной особенности: семантического своеобразия. Во всех языках есть местоимения, обозначающие адресата, все они также являются шифтерами. Системы таких местоимений различны, но их можно свести к четырем типам. Центральной парой языков в данном исследовании выступили русский и норвежский языки, относящиеся к двум разным типам систем. При этом в норвежском языке именно в настоящее время наблюдается переход от одной системы к другой. Вышесказанное может вызывать у переводчиков значительные трудности. В данной диссертации сделана попытка систематизировать как возможные затруднения, так и переводческие стратегии разрешения этих затруднений.

Как можно было увидеть в результате анализа отрывков из переводов художественной литературы с русского языка на норвежский, наибольшие несовпадения в системе обращений упомянутых языков наблюдаются в современной литературе, тогда как во фрагментах произведений, действие в которых разворачивается в XIX веке, функции русских и норвежских местоимений, используемых в качестве обращения к одному лицу, полностью совпадают. И это неудивительно, поскольку примерно до начала прошлого века характер использования подобных местоимений в русском и норвежском языках в основном совпадал; далее, однако, прежняя система в норвежском языке начала разрушаться, причиной чему послужили, в частности, мощные экстралингвистические факторы (данный процесс в нашей работе подробно не рассматривался, поскольку он может послужить темой для отдельного исследования).

Возвращаясь к современности, подчеркнем, что местоимение *du* в современном норвежском языке нельзя считать полным аналогом русского местоимения «ты». Если в каких-то ситуациях его функции действительно совпадают с функциями местоимения «ты» (например, в ситуациях общения с членами семьи, детского общения), то в других случаях оно используется так же, как русское местоимение «вы» (в ситуации общения незнакомых людей друг с другом, обращения детей к взрослым, в ситуации общения «преподаватель – студент» т. д.). При этом в ряде сфер норвежское *du* может соответствовать как русскому «ты», так и «вы»: например, в рекламе.

Уважительная форма *De*, тем не менее, до сих пор используется в норвежском, хотя и крайне редко. В связи с последним обстоятельством необходимо понимать, что его употребление теперь слишком маркировано и при прочих равных обозначает дистанцию большую, нежели в русском языке.

Что касается местоимения *du*, оно в современном норвежском стало нейтральным, и поэтому важно учитывать тот факт, что оно не только не несёт оттенка фамильярности, который в некоторых ситуациях может быть свойственным русскому «ты», но и не служит показателем особенного, тёплого отношения говорящего к собеседнику. В связи с этим выбор местоимения при переводе норвежских текстов на русский язык определяют такие факторы, как степень близости отношений между говорящими, их возрастной и социальный статус, а также конкретная ситуация.

Надеемся, что данное исследование, содержащее как освещение теоретических проблем изучения местоимений 2-го лица, так и ряд практических рекомендаций по их переводу для пары языков русский – норвежский, поможет переводчикам лучше ориентироваться в проблеме перевода обращения к одному лицу, а также послужит источником информации относительно истории использования местоимений в качестве обращения к одному лицу в обоих языках.

Список использованной литературы и источников

Научная литература

- 1) *Алпатов В. М.* Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений / отв. ред. И. Ф. Вардуль. М.: Наука, 1980. С. 3 – 26.
- 2) *Белюсова А. С.* К вопросу о семантической классификации местоименных слов / Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995 – 432 с.
- 3) *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ Под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001 – 720 с.
- 4) *Геккина Е. Н.* Тыканье, выканье и прописные буквы в метаязыковом диалоге // Современный русский язык в интернете. М.: «Языки славянской культуры», 2014. С. 222 – 228.
- 5) *Гурова Е. А.* О личном местоимении *du* в современном датском языке // Скандинавская филология. СПб: СПбГУ, 2016. Т. 14. Вып. 1. С. 18 – 29.
- 6) *Гурова Е. А.* Формы общения на «ты» и на «Вы» в датском языке // Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборн. науч. стат. и перев.: К юбилею Е. М. Чекалиной / ред. Э. Б. Крылова. М.: МАКС-пресс, 2016а. С. 139 – 147.
- 7) *Комарова З.И., Шадрина Ю.Ю.* Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1 (177). С. 32 – 39.
- 8) *Кронгауз М. А.* Семантика. М.: РГГУ, 2001 – 399 с.
- 9) *Кушнерук С. Л.* Личные местоимения как языковые маркёры пересечения текстовых миров в рекламе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 85 – 89.
- 10) *Линевич Н. Ю.* Сравнительный анализ средств реализации принципа вежливости в шведском и английском языка // Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборн. науч. стат. и перев.: К юбилею Е. М. Чекалиной / ред. Э. Б. Крылова. М.: МАКС-пресс, 2016. С. 208 – 213.

- 11) *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969 – 307 с.
- 12) *Николаева Т. М.* Лингвистика: Избранное. М.: «Языки славянской культуры», 2013 – 624 с.
- 13) *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985. – 270 с.
- 14) *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011 – 672 с.
- 15) *Крылова Т. В.* Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Русская языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006 – С. 241 – 404.
- 16) Русско-французские речевые параллели в темах и ситуациях/ Арутюнов А. Р., Белякова И. В., Пядусова Г. И., Чигирёва М. А. – М.: «Русский язык», 1990 – 345 с.
- 17) *Селиверстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988 – 151 с.
- 18) *Сичинава Д. В.* Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2011.
- 19) *Соколовская Н. К.* «Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений» // Теория и типология местоимений / отв. ред. И. Ф. Вардуть. М.: Наука, 1980. С. 84 – 103.
- 20) *Химик В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990 – 184 с.
- 21) *Шмелёв А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: «Языки славянской культуры», 2002 – 496 с.
- 22) *Berulfsen B.* Norsk grammatikk: Ordklassene. Oslo: Aschehoug, 1967. 180 s.
- 23) *Eklund H. B.* Hva er klarspråk? // презентация, представленная на семинаре для преподавателей норвежского языка в университете г. Осло (ISS, июнь-июль 2013). На правах рукописи.

- 24) *Hagen J. E.* Norsk grammatikk for andrespråklærere. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag AS, 2012. 417 s.
- 25) *Klarspråk i praksis. Håndbok i godt forvaltningspråk.* Redaktører: Aud Anna Senje, Kjetil Aasen. Hovedforfattere: Ola I. Breivega, Aud Anna Senje. - Kunnskapsforlaget, Språkrådet, Oslo, 2010 – 179 s.
- 26) *Knudsen T.* Pronomener. Oslo: Universitetets studentkontor, 1949. 126 bl.
- 27) *Komarova O.:* Landet der ungene ikke skriker og hundene aldri gjør // Typisk norsk å være uhøflig? Innvandrere har ordet. Oslo: Kulturbro Forlag AS, 2005. S. 46 – 178.
- 28) *Lie S.* Norsk morfologi. Oslo: Ling forlag, 2011. 137 s.
- 29) *Lundeby E.* Intimisering og brutalisering // Mål & Mæle 18. årgang, december 1995. S. 10 – 17.
- 30) *Meyer-Myklestad J.* An advanced English grammar for students and teachers. Oslo: Universitetsforlaget, 1967 – 625 p.
- 31) *Musæus J.* Det norske Sprogs Grammatik. Kristiania: P. J. Hoppes forlag, 1843. 192 s.
- 32) *Næs O.* Norsk grammatikk: Elementære strukturer og syntaks. 4. utg. – Oslo: Fabritius, 1979. 470 s.
- 33) *Næs O.* Norsk grammatikk: I. ordlære. Bergen: Fabritius, 1952. 307 s.
- 34) Norsk grammatikk: Riksmål og moderat bokmål / J. O. Askedal (hovedredaktør), T. Guttu, P. E. Hegge, I.-L. Nyheim†, A. O. Sandved, O. M. Selberg. Revidert utgave av G. Coward, Riksmålsgrammatikk. – Det Norske Akademi for Språk og Litteratur og Kunnskapsforlaget, 2015 – 264 s.
- 35) *Senior T.* Mer plass og frisk luft, takk! Noen uhøytidelige betraktninger omkring den norske høfligheten // Typisk norsk å være uhøflig? Innvandrere har ordet. Oslo: Kulturbro Forlag AS, 2005. S. 46 – 178.
- 36) *Språkvett: Skriveregler, grammatikk og språklige råd fra a til å.* 2. utg. – Oslo: Kunnskapsforl., 2004. 393 s. / Hovedredaktør: D. Gundersen
- 37) *Švrljuga Ž.* Vi er ikke født høflige, vi blir det // Typisk norsk å være uhøflig? Innvandrere har ordet. Oslo: Kulturbro Forlag AS, 2005. S. 249 – 262.

- 38) *Uri H.* Godt språk: Alt du trenger å vite for å ordlegge deg korrekt. Oslo: Kagge Forlag, 2016 – 230 s.
- 39) *Vinje F.-E.* Moderne norsk: Råd og regler for praktisk språkbruk. 4. utg. Oslo – Bergen – Stavanger- Tromsø: Universitetsforlaget AS, 1988. – 360 s.
- 40) *Wales K.* Personal pronouns in present-day English. Cambridge University Press, 2003 – 234 p.
- 41) *Western Aug.* Norsk riksmåls-grammatikk: For studerende og lærere. Kristiania: Aschehoug, 1921. 572 s.

Справочная литература

- 1) *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001 – 672 с.
- 2) *Берков В. П.* Новый большой норвежско-русский словарь. М.: Живой язык, 2010. Т. 2. 832 с.

Интернет-источники

- 1) <http://tapemark.narod.ru/les/294b.html> (дата обращения: 08.10.2015)
- 2) <http://tapemark.narod.ru/les/411a.html> (дата обращения: 20.04.2017)
- 3) <http://online-language.org/article/german-section/283-personalpronomen-possesivpronomen> - 08.10.16 (дата обращения: 10.11.2015)
- 4) <https://snl.no/Kongespeilet> (дата обращения: 10.01.2017)
- 5) http://orfogramma.ru/правила_русской_орфографии_и_пунктуации_лопатин/правила_употребления_прописных_и_строчных_букв/ (дата обращения: 20.05.2017)
- 6) [http://ordbok.uib.no/perl/ordbok.cgi?OPP=+DU&ant_bokmaal=5&ant_nynorsk=5&bokmaal=+&ordbok= begge] (дата обращения: 20.05.2017)
- 7) http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/r/abc_advertising/ (дата обращения: 20.05.2017)

- 8) <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/146260/%D0%A4%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F>
(дата обращения: 16.05.2017)
- 9) <http://tapemark.narod.ru/les/519a.html> (дата обращения: 08.10.2016)
- 10) <http://new.gramota.ru/spravka/letters?id=51> (дата обращения: 20.05.2017)
- 11) <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 20.05.2017)

Источники языкового материала

- 1) *Булгаков М.* Мастер и Маргарита / Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Минск: Мастацкая літаратура, 1991 – 656 с.
- 2) *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957 – 176 с.
- 3) *Ренберг Т.* Шарлотта Исабель Хансен. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011 – 448 с.
- 4) *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М.: «Эксмо», 2005 – 960 с.
- 5) *Ури Х.* Лучшие из нас. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2010 – 479 с.
- 6) *Akunin B.* Kroningen. Oslo: Aschehoug, 2008 – 381 s.
- 7) *Bulgakov M.* Mesteren og Margarita. 2. bog. Forlaget Fremad, 1988 – 176 s.
- 8) *Bulgakov M.* Mesteren og Margarita. Oslo: Den norske Bokklubben, 2000 – 439 s.
- 9) *Bulgakov M.* Mesteren og Margarita. Oslo: Gyldendal, 1967 – 382 s.
- 10) *Eklund H. B.* *Hva er klarspråk?* // презентация, представленная на семинаре для преподавателей норвежского языка в университете г. Осло (ISS, июнь-июль 2013) (на правах рукописи) – источник обеих версий инструкции к техническому паспорту.
- 11) *Godt og billig.* KIWI.
- 12) *Hamsun K.* Victoria. Den norske bokklubben, 1982 – 144 s.
- 13) КК. 2016. № 37.

- 14) *Majakovskij V.* Av full strupe. I gjendiktning og med innledning av Martin Nag. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1970. - 158 s.
- 15) *Marinina A.* Tilfeldighetenes spill. Oslo: Fonna Forlag LL, 2007 – 314 s.
- 16) Minikokebok: Kjøttdeig & karbonadedeig fra norsk storfe. Oslo: Matprat, s.a.
- 17) Minikokebok: Svinekjøtt: Spennende og enkelt. Oslo: Matprat, s.a.
- 18) *Renberg T.* Charlotte Isabel Hansen. Oslo: Forlaget Oktober as, 2008 – 354 s.
- 19) *Tolstoj L.* Anna Karenina. Bd 1. [Oslo]: Den norske bokklubben, 1996 – 363 s.
- 20) *Tolstoj L.* Anna Karenina. Bd 1. Oslo: Ernst G. Mortensens forlag, 1962 – 342 s.
- 21) *Ulitskaja L.* Sonetsjka. Oslo: Bazar Forlag AS, 2006. – 158 s.
- 22) *Uri H.* De beste blant oss. Gyldendal, 2007. – 437 s.

Интернет-источники

- 1) <http://runeberg.org/folkeven/005.html> (дата обращения: 20.05.2017)
- 2) <http://www.kk.no/livsstil/slik-f%C3%A5r-du-orden-p%C3%A5-kaoset-22922> (дата обращения: 20.05.2017)
- 3) <http://sva.no/nyheter/de-dro-alle-til-oslo-for-a-skape-en-karriere/19.7184> (дата обращения: 20.05.2017)
- 4) <http://e-libra.ru/read/214856-stechenie-obstoyatelstv.html> (дата обращения: 07.02.2017)
- 5) <http://e-libra.ru/read/312035-koronatciya,-ili-poslednij-iz-romanov.html> (дата обращения: 23.02.2017)
- 6) <http://www.aftenposten.no/kultur/Dronning-Sonja-til-Aftenposten---Jeger-en-feminist-118672b.html> (дата обращения: 20.05.2017)
- 7) <http://rupoem.ru/majakovskij/vashu-mysl-mechtayuschuyu.aspx> (дата обращения: 25.03.2017)
- 8) <http://e-libra.ru/read/134120-sonechka.html> (дата обращения: 10.03.2017)

- 9) www.tine.no (дата обращения: 08.05.2017)
- 10) www.veseliy-molochnik.ru (дата обращения: 09.05.2017)
- 11) <http://prostokvashino.ru/club> (дата обращения: 26.05.2017)
- 12) www.moodsofnorway.com (дата обращения: 08.05.2017)
- 13) www.bergans.com (дата обращения: 08.05.2017)
- 14) cubus.com (дата обращения: 08.05.2017)
- 15) www.befree.ru (дата обращения: 08.05.2017)
- 16) kiraplastinina.ru (дата обращения: 08.05.2017)
- 17) www.oodji.com (дата обращения: 08.05.2017)
- 18) <https://elenafurs.ru/> (дата обращения: 08.05.2017)
- 19) <http://lisa.ru/category/recepty/> (дата обращения: 09.05.2017)
- 20) http://www.delishis.ru/klatch/nklatch_213.html (дата обращения: 09.05.2017)
- 21) <http://www.straus.ru/cafe/cafe-recepty/72> (дата обращения: 09.05.2017)
- 22) <http://www.koolinar.ru/recipe/view/131703> (дата обращения: 09.05.2017)
- 23) lovdata.no (дата обращения: 09.05.2017)
- 24) www.constitution.ru (дата обращения: 09.05.2017)
- 25) http://www.norge.ru/legal_marketing/ (дата обращения: 09.05.2017)
- 26) www.stortinget.no (дата обращения: 09.05.2017)
- 27) www.izbirkom.ru (дата обращения: 09.05.2017)
- 28) <http://www.wideroe.no/om-wideroe/om-selskapet> (дата обращения: 09.05.2017)